

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 31

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, соерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова; 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 № № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 6-го августа 1905 г.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за августъ 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1905 г. съ 44 рис. и отдѣльн. листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 38 рис. рукодѣльных работъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 г. Съ приложениемъ **40 книгъ** „Сборника Нивы“, содержащихъ: Первые 10 книгъ полн. собр. сочиненій и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

А. К. Шеллера-Михайлова.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . . .

6 р. 50 к.

Безъ достав-ки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ достав-ки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рашельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . . .

8 р. За гра-ницу. **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПб. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПб. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.

Волченокъ.

Повѣсть
П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

Андрей Ивановичъ задумался. Но все же онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту брата. Когда онъ вошелъ, сынъ лежалъ неподвижно навзничъ и смотрѣлъ своими черными

глазами въ потолокъ. Теперь они постоянно цѣловались при встрѣчѣ и прощаньѣ. Онъ поцѣловалъ и теперь мальчика, и тотъ ему машинально отвѣтилъ поцѣлуемъ.

Миръ. Картина В. Штрутта, авт. «Нивы».

— Петръ,—началь съ усилениемъ Андрей Ивановичъ.— Сегодня тебѣ сказалъ мой братъ, что я прихожусь тебѣ отцомъ. Ты въ это не вѣришь?

— Нѣтъ,—откровенно подтвердилъ Петръ.

— Какія у тебя основанія не вѣрить?

— Если-бъ ты былъ отцомъ, такъ отчего же я жилъ у Черной Лахты?

— Гдѣ?—всколыхнулся Андрей Ивановичъ.

— У Черной Лахты. Тамъ въ деревнѣ я росъ. Меня дралъ все время пріемный отецъ. Если-бъ я былъ твоимъ сыномъ, развѣ бы онъ смѣлъ меня бить?

— Видишь ли, Петръ, мнѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Тутъ замѣшано третье лицо. Отчего ты ни разу не спросилъ о немъ?

— О комъ?—недоумѣвалъ мальчикъ.

— О твоей матери?..

Это слово какъ-то странно прозвучало въ его душѣ. Онъ никогда не думалъ объ этомъ. Онъ зналъ, что матери у него не было, и вполне довольствовался этимъ знаніемъ. Теперь точно его кольнуло что въ грудь.

— Ма-ать?—повторилъ онъ.—А гдѣ она? Я никогда не зналъ матери.

— Твоя мать,—съ трудомъ сказалъ онъ:—ушла отъ меня, и не сказала, куда.

— Аа!—воскликнулъ мальчикъ.—Она ушла, значитъ она не хотѣла у тебя оставаться?

— Да, она ушла. Причины ухода я тебѣ не скажу. Да и ты не можешь быть судьей между отцомъ и матерью.

— Отчего же мнѣ не судить,—откровенно возразилъ мальчикъ.—Это нехорошо, что вы поссорились, и потому меня отдали пьяному мужику въ деревню.

— Я не отдавалъ. Отдала твоя мать, а сама уѣхала, куда—неизвѣстно. Я даже не знаю, жива она или нѣтъ. Она даже не прислала мнѣ сказать названіе деревни, гдѣ ты оставленъ. Вотъ только сейчасъ я услышалъ, что это Черная Лахта. Что я могъ сдѣлать?

— Да зачѣмъ же мать ушла отъ тебя?—не отставалъ мальчикъ.

— Мы поссорились... Повторяю, тебѣ нѣтъ до этого дѣла.

— Какъ нѣтъ дѣла!—крикнулъ Петя.—Меня двѣнадцать лѣтъ бьютъ чѣмъ попало, и мнѣ нѣтъ дѣла? Теперь я устроился, я самъ нашелъ, что мнѣ надо; мнѣ никто не помогать, и я устроился на мѣстѣ. Гдѣ это мѣсто, я тоже не скажу. А мнѣ говорятъ, что я долженъ все бросить и идти въ сыновья къ тебѣ. Зачѣмъ я пойду? Я не могу жить въ комнатахъ, я привыкъ къ морю.

— Ты будешь все лѣто ѣздить по морю на своей яхтѣ,—соблазнялъ Андрей Ивановичъ.—Я тебѣ обещаю подарить парусную яхточку, и ты будешь ея хозяиномъ.

— А зимою?—нерѣшительно сказалъ Петръ.

— А зимою ты будешь учиться. Я найму тебѣ учителя.

— Учиться? Чему мнѣ учиться! Нѣтъ, я неспособенъ на ученіе.

— Почему ты знаешь?

— Я ужъ знаю.

— Ну, хочешь морякомъ быть?

— Нѣтъ, не хочу. Я не хочу, чтобъ надо мною постоянно стояли люди и командовали мною. И самъ я не хочу командовать. Я хочу, чтобъ лѣсъ былъ, и вода, и камни. Я хочу сильнымъ быть, храбрымъ. Я хочу помогать другимъ.

Андрей Ивановичъ улыбнулся.

— Это все хорошо, что ты хочешь. А только какъ ты сумѣешь этого достигъ?

— Я сумѣю...

Онъ задумался и вдругъ припалъ головой на плечо отцу.

— Отпусти меня,—шепнулъ онъ.

Отецъ отодвинулся отъ него.

— Куда?

— Тебѣ все равно,—но далеко, далеко отсюда.

— Какъ? къ этимъ... къ нимъ?..

— Да, къ нимъ.

— Что тебя тянетъ?.. Постой. Вотъ какъ мы съ тобой условимся. На-дняхъ я перевезу тебя къ себѣ и кое-что покажу. Если послѣ нашего съ тобой разговора ты все-таки будешь стоять на своемъ... Ну, тогда посмотримъ. Не говори мнѣ больше ничего. Отложимъ вопросъ на время, и дѣло съ концомъ.

XLIII.

Третій день, какъ живетъ Петя у отца. У него отдѣльная комната, окнами на сѣверъ, и ему специально прислуживаетъ тотъ самый мальчишка, который пробовалъ нѣсколько недѣль тому назадъ щипать его, когда онъ позировалъ въ мастерской. Отецъ заходитъ къ нему постоянно. Они вмѣстѣ обѣдаютъ и завтракаютъ. Разъ на завтракъ былъ приглашенъ Троцкій. Онъ передъ завтракомъ вошелъ въ комнату кузена.

— Съ Божьей помощью, какой поворотъ,—сказалъ онъ.—А вѣдь въ сущности это съ моей легкой руки. Вѣдь я первый привелъ къ себѣ волченка.

— У тебя-то я готовъ бы жить всегда,—замѣтилъ Петръ.

— А тутъ что же? вы во мнѣніяхъ не сошлись?

— Я не знаю. Я не вѣрю, что онъ отецъ. Какъ изъ земли выскочилъ, сразу, какъ грибокъ.

— На свѣтѣ, братецъ, все сразу. Сразу я тебя нашелъ, сразу мнѣ въ голову пришло свести тебя къ дядѣ Петѣ; сразу ты сбѣжалъ отъ насъ...

— И зачѣмъ я ему нуженъ?—спрашивалъ Петръ.

— Чудакъ человекъ!—возражалъ Троцкій.—Другой бы вотъ какъ, двумя руками ухватился за такую жизнь. Теперь дядя наскочилъ на такую линію, что онъ для тебя, что хочешь, сдѣлаетъ: хоть въ Швейцарію повезетъ,—скажи только слово. Онъ и въ обращеніи перемѣнился, учениковъ своихъ не ругаетъ. Переворотъ, словомъ.

— Ну, и пускай другіе живутъ,—стоялъ Петя на своемъ:—а мнѣ не подь силу. Я не крыса. А здѣсь—крысинная нора.

— Волченкомъ ты такъ и остался.

— И пусть волчонокъ, а крысой не буду. А вотъ тебя я люблю; я съ тобой готовъ на чердакѣ жить, на полу безъ постилки спать.

Троцкій потрепалъ его по плечу.

— Славный ты малый. А вотъ что я тебѣ скажу. У тебя по всему дому свободный ходъ. Ты бы поднялся какъ-нибудь наверхъ въ мастерскую, да посмотрѣлъ, какъ дядины ученики живутъ. Хуже свиней. Пристыдилъ бы дядю. Другому онъ не позволить, а тебѣ спуститъ. Да и мальчишки, что прислуживаютъ: вѣдь ни одного теплаго пальтишки нѣтъ, и валенокъ. Вѣдь чуть не босые по улицамъ танцуютъ.

— Хорошо, что сказалъ, а я не видѣлъ,—серьезно сказалъ Петя.—Вотъ я имъ отдамъ свою теплую одежду, что Оома Ивановичъ мнѣ дѣлалъ. Пусть гуляютъ въ ней.

Въ тотъ же вечеръ, когда отца не было дома, а ученики уже собрались, Петя прошелъ наверхъ. Первый, кого онъ встрѣтилъ—былъ Фулыгинъ. Онъ былъ въ періодъ заоя. Глаза его, мутные, съ маленькими зрачками, смотрѣли туго въ пространство. Увидѣвъ Петю, онъ оживился.

— А, цыганенокъ!—кликнулъ онъ и схватилъ его за плечо.—Покажись поближе.

Онъ повелъ его къ свѣту, сѣлъ передъ нимъ и внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Откуда у тебя такіе глаза! Вѣдь это Испанія, братецъ ты мой. Почему же ты можешь быть сыномъ этого оловянного Андрона? Вѣдь вы изъ разной муки сдѣланы?

— Какъ отъ васъ водкой несетъ!—замѣтилъ Петя.

— Странно, если-бъ не несло,—возразилъ Фулыгинъ.— Второй день пью, не ѣмъ, а пью.

— Это зачѣмъ же?

— Да нечего больше дѣлать. Пропиваю остатки таланта. А у меня талантъ былъ. Ей-Богу, былъ. Половину его твой отецъ задавилъ,—жуликъ, ростовщикъ...

Петя хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ, только какъ бы весь дернулся.

— Ты не сердись, что я такъ про Андрона говорю. Я вѣдь тебя люблю. Я тебя полюбилъ съ тѣхъ поръ, какъ тогда писали съ тебя Крестителя. Ты такъ былъ тогда жалокъ для меня; у тебя въ глазахъ грусть была и презрѣніе. Я съ тебя непременно портретъ напишу, когда пить кончу, и хорошо напишу. Такъ твой отецъ не напишетъ.

Къ нимъ подошли, оставивъ свои занятія, еще три академиста.

— А скоро карьеру сей вьюноша сдѣлалъ,—продолжалъ Фулыгинъ. Я, ей-Богу, радъ, что всѣ деньги Андрона тебѣ достанутся. Протри имъ глаза. Меня возьми въ помощники. Я мертвую запыю. Они тоже будутъ пить...

Онъ махнулъ головой на товарищей.

— Они еще первый годъ здѣсь, такъ не вошли во вкусъ. А вотъ какъ начнетъ тятенька твой давить педаль, они Кузькину тетеньку и узнаютъ.

— Это что за педаль?—спросилъ Петя.

— А это сердце человѣческое. Когда на сердце наступать, такъ больно дѣлается. Особенно, если грязнымъ сапогомъ. А у отца твоего сапоги грязные. Ты знаешь, много онъ народа загубилъ на своемъ вѣку. Цѣлые батальоны. Когда онъ помретъ, и на судъ будетъ призванъ,—кисло ему будетъ. За всѣхъ отвѣтитъ. Будетъ у святыхъ отцовъ просить защиты: «я, молъ, писалъ васъ всю жизнь,—защитите». А они скажутъ: «нѣшто это ты насъ писалъ,—ты писалъ какихъ-то расчесанныхъ и подвитыхъ дантистовъ, и выдавалъ это за образа»;—и отвернутся отъ него, и будетъ онъ вверженъ въ геену огненную, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

— Чѣмъ же отецъ погубилъ столько?—хмурясь, спросилъ Петя.

— А тѣмъ, что онъ путляетъ человѣка. Накидываетъ на него арканъ и давить, все тѣснѣе, тѣснѣе, пока тотъ совсѣмъ издыхать не начинаетъ. Вотъ тогда онъ петлю немного распустилъ и говоритъ: «Хочешь жить? Коли хочешь, иди ко мнѣ въ негры на мою плантацію, будешь писать съ утра до ночи святыхъ, а я тебя за это буду тухлой корюшкой кормить и промозглыми огурцами. А если не хочешь, я тебя совсѣмъ придушу: такъ, и нѣтъ души человѣчьею».

Воцарилась тишина, слышно было только, какъ трещать дрова въ печкѣ, которую растапливалъ чумазый мальчишка.

— Вамъ денегъ надо, всѣмъ вамъ?—вдругъ спросилъ Петя.

— Молодчина!—крикнулъ Фулыгинъ.—Ты попадаешь въ самый центръ. Это и есть наша болячка. Мы доходимъ до того, что у пятерыхъ оказываются одни панталоны, такъ что на улицу приходится выходить по очереди. Все продано татарскимъ князьямъ, потому что надо чѣмъ-нибудь питаться. Твой отецъ самъ держитъ повара, а насъ считаетъ за свиней. Мы нищи, какъ Ювъ. Всякій извозчикъ, городской—Крезъ сравнительно съ нами. У насъ все заложено...

— Вамъ сто рублей довольно?—спросилъ Петя.

— Что ты сказалъ?.. Какую цифру...

— Сто рублей. Я вамъ достану.

— Украдешь?

— Зачѣмъ красть... Напрасно вы такъ говорите.

— Ну, извини. Видишь ли,—доброму вору все впору. Если ты достанешь три рубля—мы возьмемъ и будемъ тебѣ благодарны. Если ты достанешь сто,—мы будемъ тебя считать божествомъ, Меркуриемъ, чѣмъ хочешь.

— Я вамъ достану,—пообѣщавъ онъ.

За обѣдомъ отецъ былъ сосредоточенъ и внимательно поглядывалъ на сына. Петя замѣтилъ его меланхолическое состояніе и внезапно сказалъ:

— Ты говорилъ, отецъ, что не будешь жалѣть для меня денегъ?

— Не буду.

— Дай мнѣ сто рублей.

— Ты знаешь, что такое сто рублей?

— Знаю. Это много денегъ.

— Я тебѣ дамъ, если ты скажешь, зачѣмъ они.

— Я хочу отдать ихъ.

— Кому?

— Бѣднымъ людямъ. Ты ихъ знаешь.

— Назови ихъ.

— Не хочешь, какъ хочешь.

Андрей Ивановичъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ студа сторублевую бумажку.

— Я тебѣ вѣрю,—сказалъ онъ.

Петя молча спряталъ ассигнацію въ карманъ.

— А мнѣ съ тобой надо говорить, Петя,—прибавилъ отецъ.—Послѣ обѣда мы пойдемъ ко мнѣ въ мастерскую. Тамъ я тебѣ долженъ кое-что показать. Сегодняшній вечеръ для меня имѣетъ большое значеніе, да и для тебя тоже. Онъ долженъ положить конецъ всѣмъ нашимъ недоразумѣніямъ.

Послѣ обѣда Петя спросилъ:

— Сейчасъ идти къ тебѣ? Я черезъ полчаса буду свободенъ.

— Хорошо, черезъ полчаса,—отвѣчалъ отецъ.

XLIV.

Петя поднялся наверхъ. Тамъ была тишина, всѣ молча работали, только слышно было изрѣдка мурлыканье Фулыгина.

Петя подошелъ къ нему и протянулъ деньги.

— Вотъ, Фулыгинъ,—сказалъ онъ.

Тотъ сперва онѣмѣлъ, потомъ взялъ бумажку, повернулъ ее и крикнулъ.

— Великая императрица! Ура!

— Ура!—подхватила мастерская.

— Петю качать!—предложилъ Фулыгинъ.

И Петя разъ десять подлетѣлъ подъ потолокъ.

Онъ спустился внизъ, съ бьющимся отъ этого подкидыванья сердцемъ, и, проходя по залу, остановился передъ зеркаломъ. Онъ не узнавалъ самъ себя. Онъ щупалъ свое лицо, руки, грудь. Онъ ли это?

Прежде онъ рѣдко смотрѣлся въ зеркало. Но все же онъ зналъ свой обликъ. Теперь передъ нимъ стоялъ стройный молодой человѣкъ, съ блѣднымъ худымъ лицомъ и черными большими глазами. Коротко остриженные волосы дѣлали его голову совсѣмъ круглой. Руки были бѣлы, ногти правильно, коротко острижены. Синяя курточка съ стоячимъ воротникомъ и такіе же панталоны были совсѣмъ какъ у барина. И сапоги были вычищены хорошо, и блестѣли, отражая свѣтъ лампы.

Но главное, чему онъ не могъ повѣрить, было то, что онъ своей властью, могъ кому-то отдать сто рублей. Онъ взялъ и отдалъ, и это его деньги, потому что отецъ говорилъ, что у нихъ все общее.

«Не сонъ ли это? И хорошій ли это сонъ, или дѣрній? Не лучше ли проснуться тамъ, на маленькомъ дворикѣ съ маленькимъ палисадникомъ, гдѣ горѣла за окнами блестящая елка, и гдѣ Фома Ивановичъ ходилъ босикомъ по снѣгу?»

Онъ отогналъ неотвязныя мысли и прошелъ въ мастерскую отца. Войдя, онъ вздрогнулъ и замеръ на мѣстѣ.

Посрединѣ комнаты, ярко освѣщенные, стояли на мольбертахъ три портрета. Это были его портреты: тѣ же глаза, то же блѣдное продолговатое лицо и бѣлыя руки, что онъ сейчасъ видѣлъ въ зеркалѣ. Но это была женщина,—прекрасная, похожая на ангела. На одной картинѣ она стояла въ бѣломъ длинномъ одѣяніи, съ вѣткой въ рукѣ, поднимая глаза къ небу и другую руку молитвенно положила на грудь. На другомъ портретѣ, рядомъ, она была въ великолѣпномъ платьѣ съ мѣхомъ на шеѣ. Она смотрѣла весело и празднично, положивъ на ко-

Ссора. Картина Н. Фельдмана, арт. «Нивы».

Ръшительное слово. Картина Л. Филдса, авт. «Нивы».

лѣни свои обнаженные руки. Наконецъ, на третьемъ холстѣ была написана одна ея голова съ строгимъ, античнымъ профилемъ и голыя плечи.

— Вотъ твоя мать!—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Моя мать!—повторилъ онъ.— Неужели?

И ему тотчасъ же представилась сѣрая, убогая деревня за Черной Лахтой, гдѣ въ долгіе зимніе вечера, при чадѣ керосиновой лампы съ разбитымъ стекломъ, среди вонючей копоти и полумрака, онъ прислушивался къ вою декабрьскаго вѣтра. Ни малѣйшаго просвѣта: тягостная, удушливая берлога полулюдей, полуживотныхъ. Вѣчная ругань, вѣчные побои, пьянство, невѣжество, голодъ и бѣдность...

Если этотъ ангелъ—его мать, какъ же она допустила, чтобъ ея сына стегали спящаго ремнемъ только потому, что захотѣлось его пьяному воспитателю полюбоваться на неожиданность внезапнаго удара? Какъ эта красавица съ бѣлоснѣжной фарфоровой шеей могла не думать, что ея мальчикъ весь покрытъ насѣкомыми, и, весь въ рубцахъ и синякахъ отъ побоевъ, сидитъ голодный на крыльцѣ въ глухую осеннюю ночь, выгнанный въ наказаніе изъ избы?..

Онъ оглянулся на отца. Отецъ внимательно слѣдилъ за нимъ. Глаза ихъ встрѣтились, но отецъ прочелъ совсѣмъ не то, что ожидалъ увидѣть въ этомъ взорѣ: взглядъ сына былъ холоденъ и золъ.

— Гдѣ она теперь?—спросилъ сынъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ отецъ.

— Кто же знаетъ?—настаивалъ Петя.

— Я думаю, она въ Римѣ. Возвратилась къ своей матери.

— Она была добрая?—спросилъ Петя, помолчавъ.

— Она была бѣшеная... Я тебѣ скажу все. Когда она уходила отъ меня, она ударила меня ножомъ. Я тебѣ могу и теперь, черезъ тринадцать лѣтъ, показать его слѣды.

Петя поблѣднѣлъ. Онъ невольно вспомнилъ вечеръ, всего три мѣсяца назадъ, когда старый рыбакъ бросился на него, чтобъ ударить его, а онъ схватилъ со стола ножъ и хватилъ имъ пьянаго бродягу. Лезвее скользнуло по плечу, не воткнувшись, но рубаха вся залилась кровью.

— Вотъ ты какъ!—заревѣлъ старикъ.— Ну, погодишь ты!

Но Петя выскочилъ изъ избы и кинулся бѣгомъ прочь. Онъ бѣжалъ, не видя и не зная, куда бѣжить. Онъ бѣжалъ вдоль берега, сосновымъ лѣсомъ. Потомъ вспрыгнулъ въ челнокъ и поплылъ вдоль берега. Подъ Ораніенбаумомъ онъ бросилъ лодчонку и нанялся за двадцать копеекъ таскать дрова на пристани. Въ три дня онъ заработалъ шесть гривенъ и четвертакъ проѣлъ. Потомъ онъ пошелъ дальше берегомъ, мимо дворцовъ и парковъ, мимо убогихъ деревень, монастырей и церквей. Потомъ передъ нимъ задымились трубы огромнаго города. Онъ присталъ къ рыбакамъ и недѣлю прожилъ съ ними на островкѣ. Но рыбаки покончили свой лѣтній промыселъ, и онъ пошелъ далѣе, голодный, бродить по улицамъ, пока Троцкій не встрѣтилъ его на гранитномъ спускѣ у Невы.

Много разъ вспоминалъ онъ ударъ, нанесенный имъ воспитателю. Это былъ его кошмаръ, много разъ повторявшійся во снѣ. И вотъ теперь, когда ему сказали, что эта ангелоподобная женщина такъ же бросилась съ ножомъ на мужа, теперь вдругъ онъ понялъ, что онъ ея сынъ, и что кровь у нихъ одна.

Онъ опустилъ голову и тяжело дышалъ. Потомъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Да, теперь я вѣрю, что твой сынъ...

Отецъ протянулъ ему руку.

— Мнѣ странно было бы требовать съ твоей стороны любви ко мнѣ. Я пока прошу тебя только объ одномъ: относись ко мнѣ довѣрчиво.

— Хорошо. Но все-таки... Гдѣ же мать?

— Я попробую, если не найду ее, то хотя бы поучить о ней свѣдѣнія,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— А что-жъ ты раньше этого не сдѣлалъ?

— Раньше я искалъ тебя, но не нашелъ. Ты нашелся случайно. Я уже думалъ, что всякая связь съ прошлымъ порвана. Но теперь ты снова соединишь меня съ миновавшимъ. Я напечаталъ, по совѣту одного адвоката, въ трехъ итальянскихъ газетахъ вотъ это объявленіе.

Онъ досталъ изъ стола и прочелъ:

«Профессоръ живописи *** просить особу, оставившую ему 29 апрѣля 18** года алмазный перстень и жемчужное ожерелье, увѣдомить, кому передать эти вещи, а также сообщить, куда былъ отвезенъ Петръ. Адресъ профессора тотъ же, что и тринадцать лѣтъ назадъ».

— Не знаю, достигнетъ ли цѣли это объявленіе, но, думаю, что, если твоя мать жива, она прочтетъ его. А вотъ ты мнѣ скажи: говорилъ ли тебѣ когда-нибудь твой воспитатель о матери?

— Нѣтъ,—сказалъ мальчикъ, припоминая:—никогда.

— Но тебя всегда звали Петромъ?

— Да.

— Ты мнѣ дай подробный адресъ деревни, гдѣ рость, и твоего воспитателя, я попытаюсь кое-что развѣдать.

Петя рассказалъ все, что зналъ и помнилъ, всю печальную эпопею своего дѣтства. Но конца онъ не рассказалъ, тотъ ударъ ножомъ, исхода котораго онъ даже не зналъ.—онъ утаилъ.

— Хочешь, поѣдемъ туда вмѣстѣ?—предложилъ Андрей Ивановичъ.

Петя вздрогнулъ.

— Нѣтъ... Если хочешь, я провожу тебя, но дальше, въ самую деревню, я не поѣду. Я знаю, какъ туда надо нанимать лошадей. Но я... не могу туда ѣхать...

XLV.

День спустя, Андрей Ивановичъ подвѣзжалъ въ кибиткѣ, запряженной тройкой, которую онъ нанялъ въ Ораніенбаумѣ, къ далекой морской деревушкѣ за Черной Лахтой. Его везли долго по шоссе, потомъ по лѣсной дорогѣ. Наконецъ, вдали зачернѣлось убогое рыбацье поселеніе. У крайней избы онъ увидѣлъ бабу и спросилъ, гдѣ живетъ Иванъ Дроздовъ?

— Иванъ Дроздовъ дрова на дворѣ рубить,—она гдѣ.

На зовъ Иванъ подошелъ къ плетню.

— Мнѣ съ тобой говорить надо,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на воспитателя своего сына. Это былъ худосочный, поделѣповатый мужичонко въ рваномъ полушубкѣ и худой шапчонкѣ. Онъ въ свой чередъ пытливо смотрѣлъ на гостя.

— Я къ тебѣ по поводу твоего воспитанника Петра,—сказалъ тотъ, выгнывая изъ саней.

— Пымали разбойника?—обрадовался Дроздовъ.

Андрей Ивановичъ поморщился.

— Къ тебѣ въ избу-то можно?—спросилъ онъ.

— Можно, только духъ тамъ тяжелый. И бабья много. Теленокъ тоже.

— Все равно, поѣдемъ.

— Пымали Петьку!—заявилъ хозяинъ, едва переступая порогъ.

Андрея Ивановича такъ и ошибъ «духъ», которымъ полна была изба. Кудахтавшія бабы сразу примолкли.

— Самъ исправникъ прѣхалъ,—продолжалъ Дроздовъ.

— Я не исправникъ,—возразилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, а я по обличію думалъ, что исправникъ... Ровно бы у насъ совсѣмъ такой. Извольте садиться, ваше благородіе.

Андрей Ивановичъ сѣлъ.

— Петръ теперь на мѣстѣ въ Петербургѣ,—заговорилъ онъ.— Изъ него хорошій парень вышелъ и онъ больше сюда не вернется.

— А какъ же насчетъ тюрьмы?—неожиданно спросилъ Иванъ.

— Какой тюрьмы?

— Ему въ тюрьмѣ мѣсто. Нѣшто на вошпитателя можно съ ножомъ руку подымать?

— Чтò такое?—забезпокоился Андрей Ивановичъ.

— Небось, про такія свои дѣла не рассказываль, — ухмыльнулся мужичонко и началъ быстро распоясываться.

Онъ сбросилъ полушубокъ, разстегнулъ воротъ рубашки и быстро ее снялъ, оставшись въ портахъ и валенкахъ.

— Это что? видѣли?

На блѣдномъ, тшедушномъ, серебристомъ тѣлѣ, на самомъ плечѣ, тянулся порѣзъ недавней раны. Андрей Ивановичъ вздрогнулъ и невольно поднесъ руку къ своему лѣвому плечу.

— На томъ же самомъ мѣстѣ, чуточку правѣе... — пробормоталъ онъ.

— Я три рубля пролѣчил!—продолжалъ мужичонко.— Я и полиціи объявилъ: его, разбойника, ищутъ вездѣ, а онъ на мѣстахъ живетъ... Этого, ваше благородіе, простить невозможно.

— Ладно... я тебѣ заплачу за все,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—И за лѣчение, и за обиду, за все...

— Да я меньше двадцати пяти рублей и не возьму!—говорилъ мужикъ.—Вѣдь я чуть кровью не истекъ.

— Да, братецъ, у меня у самого такая же рана, только побольше. Не будь здѣсь бабъ въ избѣ, я бы тебѣ показалъ.

— О!—сказалъ Иванъ.—Судился, небось, потомъ?

— Нѣтъ, не судился.

— Простилъ, значитъ?

— Простилъ.

— Смотри ты... Кто-жъ это вась... разбойники?

— Ну, тебѣ все одно... А вотъ денегъ я тебѣ дамъ. Не двадцать пять,—больше дамъ...

— Ишь ты... Добрый какой!.. Даже бабы разахались! Цыць, проклятыя!

— А вотъ, скажи ты мнѣ, — началъ Андрей Ивановичъ:—документовъ у тебя отъ Петра не осталось?

— Никакъ нѣтъ. Вѣдь онъ изъ вошпитательнаго.

Андрей Ивановичъ откинулся къ стѣнѣ.

— Какъ изъ вошпитательнаго?

— Такъ точно. У насъ тутъ Василиса была такая, она на воспитаніе питомокъ брала. Ну, а потомъ померла, мы ихъ и разобрали.

— Какъ же безъ документовъ? Метрическое же должно быть?

— Никакъ нѣтъ.

— Да онъ крещеный?

— Должно, крещеный. Петромъ звать, значитъ, крещенъ.

— Это ты, Иванъ Дороеичъ, не такъ говоришь, — вдругъ ввязалась въ разговоръ востроносая баба.—Онъ не изъ вошпитательнаго, а съ воли. Это Акулина должна знать.

— Какая Акулина?—допрашивалъ профессоръ.

— Ейная сестра.

— Чья?

— Да Василисы, чтò померла.

— Гдѣ же Акулина? Здѣсь, въ деревнѣ?

— Да на концѣ, вонъ тамъ живетъ.

Андрей Ивановичъ выкинулъ рублевую бумажку.

— Вотъ, пожалуйста, вамъ за хлопоты. Только чтобъ сейчасъ эту Акулину сюда доставить.

— Аксютка бѣги къ теткѣ Акулинѣ,—скажи про барина,—распорядилась баба.

Иванъ нерѣшительно посмотрѣлъ на бумажку и взялъ ее въ закорузлые пальцы.

— Отдай, отдай бабамъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Что-жъ!.. Я, нѣшто себѣ? — отвѣтилъ Дроздовъ, и протянулъ бабамъ ассигнацію. — Принимайте, жервутуютъ!

Старшая баба стыдливо зажала рубль въ кулакъ. Остальныя стали оживленно шушукаться.

— Ну, а что же, ты былъ Петромъ доволенъ, какъ

онъ жилъ у тебя? — спросилъ Андрей Ивановичъ, стараясь принять равнодушный тонъ.

— Пѣтра-то! Онъ мальчонка толковый! — оживленно заговорилъ старикъ.—Онъ ничего... Только у него характеръ. Все бы ничего, да вотъ характеръ. Такъ, знаешь, день идетъ, другой, третій... и вдругъ онъ сразу, точно его что вдарить. Почему, говоритъ, для чего, и какая причина? У него видъ шершавый, — будто бы онъ изъ венгерцевъ. Волостной писарь у насъ тутъ былъ, такъ онъ прямо утверждалъ, что онъ венгерець, потому что взглядъ у него особенный, и такъ какъ будто самъ по себѣ, а все прочее для него ни при чемъ. И опять у него жила такая. Заиграетъ жила, заиграетъ, и въ тѣ поры никакого слада. Держитъ свою линию и ничего знать не желаетъ. Точно губернаторъ какой — рветъ и мечетъ. Я говорилъ ему: «чего ты, подзаборникъ, — какое же твое такое право, что ты такъ заявляешь?» А онъ это глазами мечетъ: «мнѣ, говоритъ, что? мнѣ, говоритъ, все равно! Я лодку люблю. Сѣлъ въ лодку и поѣхалъ. Потому мнѣ кромѣ моря ничего не надо.»—А такъ вообще онъ ничего, даже тихій. Ни воровства, ничего такого. Даже, ежели болѣетъ кто,—жалѣлъ,—какъ милосердная сестра, или фершалъ, сидитъ, смотритъ, растиранье даетъ, или питье,—все это, какъ будто обученый. И грести способенъ. Загребетъ это, знаешь, загребетъ, такъ что лодка трещить. Весло на волнѣ ломаетъ. Такъ даже.

Андрей Ивановичъ старался ловить положительныя стороны того, о чемъ говорилъ Дроздовъ, и рисовалъ своего мальчику сильнымъ, мускулистымъ, росшимъ на волѣ, не желавшимъ ни отъ кого зависѣть.

— Ну, вотъ и Акулина бѣжитъ, — отвѣтила молодая баба, смотрѣвшая въ окно.

Акулина была круглая бабенка, съ блѣднымъ, какъ у всѣхъ крестьянъ во время зимы, лицомъ, въ хорошемъ шугаѣ и въ повойникѣ. Въ ней чувствовалась городская повадка. Она не робѣла, держалась истово и неторопливо.

Перекрестившись на образа, она поклонилась незнакомому барину.

— Про Петра изволили спрашивать?—начала она.—Такъ все, что я знаю — это что сестрѣ ее итальянцы сдали. Въ Рамбовѣ итальянцы жили, ну и знали они, что Василиса на воспитаніе младенцевъ беретъ. Ну, и привезли, чтобъ съ рожка кормить, полугодового. Сто рублей дали. Потомъ къ новому году еще сто рублей, къ лѣту — еще. А потомъ, какъ заколодило. Ни слуху, ни духу. Ужъ сестра по ихъ петербургскому адресу ѣздила, говорятъ—сѣхали, и шабашъ. А тутъ она умерла,—ну, вотъ Дроздовъ и взялъ мальчику.

— А какъ насчетъ документовъ? — спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Насчетъ документовъ, сударь, туго. Одинъ только и есть, но ничего понять невозможно, потому что даже не по-французски. Я вотъ захватила.

— А ну-ка, матушка, покажи.

Она протянула ему желтую, грязную, вчетверо сложенную бумагу. Онъ развернулъ. Безъ всякой печати и титула, было написано по-итальянски свидѣтельство о томъ, что законный сынъ Инессы такой-то, крещенъ тогда-то, въ Генуѣ, въ чемъ и свидѣлствуютъ такіе-то.

— Я документъ этотъ съ собой возьму, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

Акулина посмотрѣла на него опасно.

— А какъ бы въ отвѣтъ мнѣ не быть?—нерѣшительно сказала она.

— Ну, матушка, у вась двѣнадцать лѣтъ валялся документъ, и вы въ отвѣтъ не были, такъ ужъ о чемъ теперь говорить. А вотъ пять рублей отъ меня получите.

— Ахъ, какой баринъ!—умилялся Иванъ. — Такихъ господъ теперь и нѣтъ совсѣмъ!

— Слушай, Дроздовъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.— Ты грамотный?

Скорбь. Картина М. Левиса, грав. Герике.

Его Величество Императоръ Германскій Вильгельмъ II. По поводу посѣщенія Его Величествомъ Россіи—
въ Біоркэ, гдѣ состоялось свиданіе монарховъ.

— Одна слава, что грамотный. Писать пишу, а понять и самъ не могу, что написано.

— Ну, ужъ тамъ поймешь или нѣтъ, но мнѣ надо, чтобы ты подписалъ, что никакого неудовольствія противъ Петра не имѣешь.

Иванъ понурился.

— Да, — раздумчиво сказалъ онъ. — Подпись, стало быть... Это такъ точно. Насчетъ, значить, претензій... И насчетъ раны, и насчетъ всего...

— Чего-жь ты, ровно боишься?

— Не прогадать бы!

— Чего не прогадать?

— Такъ, вообще. Неизвѣстно, какъ то-есть... Сколько за это взять можно?..

— А ну-ка скажи. Зажмурься, — да такъ сразу.

Иванъ въ самомъ дѣлѣ зажмурился.

— Пятьдесятъ рублей, — сказалъ онъ, и самъ испугался. Бабы испугались тоже.

— А чернила и бумага у тебя есть? — спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Такъ это что, это мы достать можемъ!

— Ну, такъ вотъ достань!..

Черезъ полчаса всѣ формальности были покончены.

(Окончаніе будетъ).

Миръ.

(Съ рис. на стр. 601).

«Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ. И теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя поведетъ ихъ». (Исаи XI, 6).

I.

О, не скорби! Не дологъ вѣкъ желѣзный...

Не говори, что нѣтъ ему конца...

Минуетъ онъ — и надъ кровавой бездной

Зажжется лучъ небеснаго вѣнца,

Придетъ къ намъ миръ изъ высоты надзвѣздной.

II.

Онъ приходилъ и ранѣе, бывало,

Но, какъ дитя, онъ робокъ былъ и слабъ,

Его толпа безумно изгоняла,

Колочій тернъ въ насмѣшку надѣвала —

Его клеймилъ проклятемъ дерзкій рабъ...

III.

Но опаленъ вражды горючей лавой,

Жестокій родъ усталъ и изнемогъ...

И миръ придетъ съ величьемъ и славой,

Какъ нѣкій царь — и миртовый вѣнокъ

Замѣнитъ тернъ изсохшій и кровавый.

IV.

Минуетъ вѣкъ постыдный и жестокий

Въ страданіи земля изнемогла...

Я вѣрю вамъ, старинные пророки!

Въ лучахъ любви рѣдѣетъ скорби мгла.

Съ небесъ идетъ къ намъ царь голубоокий...

Г. Аркатовъ.

Исторія сестры Оливы.

Разсказъ Зельмы Лагерлѣфъ.

На палубѣ большого иностраннаго парохода собрались люди изъ различнѣйшихъ странъ свѣта. Большую часть изъ нихъ составляли англичане, упорно говорившіе по-англійски, но между путешественниками было не мало говорившихъ по-французски, и послѣдніе обыкновенно сходились для общаго разговора и большею частью составляли отдѣльную группу. Тутъ были два пожилыхъ француза, одинъ офицеръ, одинъ консулъ, нѣсколько дамъ-бельгійекъ, итальянская сестра милосердія, старый французскій аббатъ и молодой парижанинъ, повидимому артистъ, художникъ, скульпторъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Однажды вечеромъ оба пожилыхъ господина, сидя вмѣстѣ, разсуждали объ англичанахъ. Они разбирали ихъ по косточкамъ, подвергая ихъ чему-то въ родѣ научнаго анализа, и при этомъ, весьма остроумно и галантно, сравнивали ихъ съ собою. Тутъ въ разговоръ ихъ вмѣшалась одна изъ дамъ.

— Позвольте, господа, — сказала она. — Вы все-таки не сказали еще, въ чемъ состоитъ существенная разница между англичанами и вами.

— Можеть-быть, вы, сударыня, сдумѣли бы найти эту существеннѣйшую разницу, — сказалъ старшій изъ французовъ, тотъ, котораго называли консуломъ.

— Да, если хотите, я нашла ее. Она состоитъ въ томъ, что всѣ они имѣютъ свое призваніе. Спросите ихъ только, и вы убѣдитесь въ этомъ сами. Всѣ англичане, находящіеся здѣсь, на пароходѣ, имѣютъ какое-либо призваніе. Одинъ хочетъ научить насъ разводить кроликовъ, другой никогда не ѣстъ мяса. Этотъ имѣетъ намѣреніе обратить турокъ въ христіанство, а тотъ хочетъ избрѣсти воздушное торпедо.

— Ну, а мы, — сказалъ консулъ, бросивъ быстрый взглядъ на своего соотечественника: — вѣдь мы, кажется, также не можемъ жаловаться на недостатокъ у насъ людей съ призваніемъ.

— О, нѣтъ! — замѣтила маленькая бельгійка. — Вы всегда остаетесь въ своемъ врожденномъ званіи, или дѣлаетесь тѣмъ, чѣмъ желаютъ васъ сдѣлать ваши родители. Вы позволяете жизни управлять вами. Англичане же, напротивъ, хотятъ сами управлять жизнью и даже взять на буксиръ и насъ всѣхъ, чтобы вести насъ, куда они пожелаютъ.

— Прекрасно, — сказалъ офицеръ: — но если вы правы, сударыня, то я предпочитаю жить среди людей безъ всякаго призванія. Такіе люди, какъ вѣчно носящіеся съ какой-нибудь миссіей, просто нестерпимы.

— Сестра Агнеса! — воскликнулъ консулъ, обращаясь къ сестрѣ милосердія. — Въ вашей общинѣ, кажется, такъ много французенокъ. Находите ли вы, что имъ недостаетъ призванія?

— Къ сожалѣнію, г. Барту, — возразила, улыбаясь, сестра мило-

сердія: — къ сожалѣнію, не могу поддержать васъ въ этомъ. Не хочу думать, чтобы мы отъ этого были бы худшими сестрами милосердія, но изъ насъ только немногія ухаживаютъ за больными, въ силу того, что это — призваніе ихъ жизни. Напротивъ, большая часть изъ насъ посвятила себя этому дѣлу потому только, что намъ не удалось никакое другое.

— А вы, господинъ аббатъ? — спросилъ Барту, обращаясь къ старшему аббату.

— Ахъ — ахъ! — сказала старикъ: — вѣдь это было уже такъ давно! Я, кажется, всю жизнь былъ только священникомъ. Но полагаю, что отецъ мой послалъ меня въ семинарію только по совѣту аббата Вертуа, на моей родинѣ.

Г. Барту послѣ этого обратился къ молодому парижанину.

— Что касается меня, — возразилъ тотъ: — то я не довѣрю призванію. Оно только заставляетъ насъ блуждать по ложному пути. Я работаю красками и кистью, потому что нахожу это самымъ натуральнымъ. Долженъ сказать вамъ, что въ нашемъ семействѣ мы всѣ немножко художники.

Это мнѣніе заставило всѣхъ совершенно позабыть, что разговоръ начался съ сравненія англичанъ съ французами. Вмѣсто того, всѣ начали говорить о способностяхъ и призваніяхъ, и даже привели нѣсколько примѣровъ тому, въ какія странныя обстоятельства бывали поставлены люди, когда эти двѣ вещи у нихъ не согласовались.

— Я всегда сторонился отъ всякаго вздора и дѣлалъ только то, къ чему имѣлъ способность, — сказалъ офицеръ. — Никто не ведетъ себя такъ глупо, какъ тотъ, который губитъ свою «миссію».

— Я знаю нѣкоего писателя, — замѣтила одна изъ дамъ: — который считалъ свою жизнь неудавшеюся потому только, что онъ не сдѣлался балетмейстеромъ. Онъ постоянно утверждалъ, что въ этомъ состоитъ его истинное призваніе, и что, по несчастію, ему воспрепятствовали послѣдовать своему влеченію.

— Это напоминаетъ мнѣ моего бѣднаго друга, патера Менье, — сказалъ аббатъ. — Онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе отправиться миссіонеромъ въ Китай, что и сдѣлать, но, должно-быть, онъ все-таки ошибался, потому что тамъ далъ обратить себя въ буддизмъ.

— Да, призваніе — это величайшій изъ всѣхъ шарлатановъ, — замѣтилъ художникъ. — Оно только издѣвается надъ нами смертными.

Одинъ Барту стоялъ за то, что нѣтъ выше дѣятельности на основаніи собственнаго, внутренняго побужденія, называемаго призваніемъ.

— Ахъ, г. Барту, я сейчасъ вспомнила объ одной вашей соотечественницѣ, послѣдовавшей своему призванію, — сказала сестра милосердія. — Оно, конечно, не имѣло ничего общаго съ уходомъ

за больными, но, тѣмъ не менѣе... Если позволите, господа, я расскажу вамъ ея исторію. Одна изъ лучшихъ сестеръ нашихъ, она принадлежала къ нашей общинѣ еще задолго до того времени, когда я въ нее вступила. Она даже посвятила меня во всѣ мои обязанности.

— Сестра Олива, — начала итальянка: — была родомъ француженка, но такъ непохожа на всѣхъ французовъ, которыхъ мнѣ случилось встрѣчать, что я, сначала, приняла ее за нѣмку, или швейцарку. По моему мнѣнію, француженка должна быть красивой, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и игривыми карими глазами, небольшого роста, нѣжной, изящной, словомъ, существомъ эфирнымъ. Сестра Олива, напротивъ, была высока ростомъ, даже сухожава, не красива, но сильная и живая, съ лицомъ, невольно внушающимъ довѣріе.

И еще болѣе удивилась я ея наружности впоследствии, когда узнала, что сестра Олива была въ своемъ родѣ «величина», знаменитость, что она когда-то называлась *mademoiselle Olive Miteau*, занимала роскошное помѣщеніе, каталась на собственныхъ лошадахъ и водила знакомство съ выдающимися лицами Европы.

До поступления въ общину, сестра Олива была актрисой, и даже великой и замѣчательной въ своемъ родѣ, — актрисой, которую знали рѣшительно всѣ, по крайней мѣрѣ, всѣ жители Парижа. Она, конечно, не была одной изъ тѣхъ, которые гастролируютъ по всему міру, или изъ тѣхъ «величинъ», которыя одну недѣлю должны появиться въ Санъ-Франциско, другую въ Петербургѣ, но ей жилось такъ хорошо, какъ только она могла желать. Публика ее очень любила, театральные критики никогда не писали о ней чего-нибудь неодобрительнаго, она зарабатывала массу денегъ и даже выступила въ *Théâtre français*.

Когда я впервые увидѣла сестру Оливу, то представилъ себѣ не могла, чѣмъ она можетъ нравиться. Я тотчасъ же подумала о тѣхъ модныхъ пьесахъ, въ которыхъ фигурируютъ все хрупкія, изящныя, женскія существа, и мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы сестра Олива могла олицетворять одну изъ этихъ молодыхъ, изящныхъ парижанокъ. Въ ней было что-то особенно угловатое, и никакая гримировка, никакіе костюмы, или туалеты не могли бы сдѣлать сестру Оливу обольстительною и очаровательною. Но вскорѣ я узнала, что сестра Олива такихъ ролей никогда не играла, но сила ея состояла въ томъ, что она превращала даже самыя незначительныя роли въ маленькіе шедевры. Она играла служанокъ и старухъ, изображала трактирщицъ и дворничихъ, торговокъ и крестьянокъ. И всѣхъ ихъ она изображала до того натурально, до того естественно и художественно, что ей, безъ особеннаго труда, удалось добиться великой чести попасть въ число членовъ *Théâtre français*.

Сестра Олива была очень трудолюбива и никогда себя не щадила. Ее, въ свое время, считали необыкновенной силой театра. Положеніе ея, собственно говоря, было лучше положенія другихъ, потому что, хотя она и никогда не достаивалась такихъ овацій, какъ великая примадонна, но тѣмъ не менѣе играла свои роли такъ, что въ исполненіи ихъ никто бы не могъ съ ней сравниться. Противъ нея никто никогда не интриговалъ, никто не старался вредить ей, она была добрымъ, честнымъ товарищемъ, и всѣ относились къ ней дружески и искренно ее любили.

Впоследствии она и сама соглашалась съ тѣмъ, что положеніе ея было превосходное, и что она поступила неправильно, рѣшившись сдѣлать глупость, вслѣдствіе которой ей пришлось отъ него отказаться. Она умерла шестидесяти лѣтъ отъ роду, но, вѣроятно, могла бы сохранить свое положеніе въ театрѣ до самой смерти. Она все еще отличалась замѣчательной подвижностью, была сильна и здорова и, главное, обладала прекраснымъ сценическимъ голосомъ. Она, въ лучшемъ видѣ, могла бы еще играть старыхъ преданныхъ служанокъ, крестьянокъ, или даже старыхъ ворчуній-тетокъ. Никто бы не могъ въ этомъ сравниться съ нею.

Но все несчастіе ея заключалось въ томъ, что она была одержима опредѣленною идеею, а это было что-то такое, къ чему она страстно стремилась, чего добивалась въ продолженіе всей своей жизни и отъ чего, ни за что, не могла бы отказаться.

Весьма вѣроятно, что она все время сознавала, что это безуміе. Но мысли сестры Оливы всю жизнь только и вертѣлись по одному направленію, и она была не въ силахъ унять ихъ. Это было бы равносильно желанію закричать катящемуся съ горы камню, чтобы онъ остановился и повисъ въ воздухѣ.

Дѣло въ томъ, что сестра Олива не была природной парижанкой: она была дочь крестьянина и родилась и выросла въ Нормандіи. Дѣтство свое и юность она провела среди крестьянъ и людей необразованныхъ. До семнадцати лѣтъ она не видала города, а еще менѣе того, какого-либо театра.

Однажды, когда она считалась уже взрослой дѣвушкой, родители взяли ее съ собой на ярмарку въ Канъ, гдѣ отецъ Мито оказался до того щедрымъ, что даже свелъ дочь и жену въ театрѣ.

Такимъ образомъ, сестрѣ Оливѣ пришлось увидѣть первую пьесу, и пьеса эта была «Эрнани», произведеніе вашего великаго Виктора Гюго.

Съ той минуты, какъ взвился занавѣсъ, сестра Олива совершенно оторвалась отъ всего земнаго и всѣми чувствами и ощущеніями витала только на сценѣ. Ничего тамъ не казалось ей страннымъ, чудимъ, она съ перваго же момента постигла все. Мало того, она даже старалась припомнить, гдѣ и когда она уже видѣла все это.

И вотъ, тутъ же, въ театрѣ, она нашла удивительнымъ, что она,

Олива Мито, крестьянка, могла вырасти въ деревнѣ, подъ зелеными яблонями, на крестьянскомъ дворѣ. Ей казалось, какъ будто все то, что въ данную минуту было у нея передъ глазами, и было ея настоящей родиной. И она смотрѣла на пьесу совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣли на нее другіе: она жила въ ней, отъ начала до конца; все время она была прелестной испанкой, донной Соль, была любима Эрнани и королемъ Карломъ Пятымъ, и когда, въ свадебный вечеръ, раздался звукъ трубы коварнаго графа Луна, она была поражена въ самое сердце, не менѣе, чѣмъ если бы судьба отняла Эрнани у нея самой.

Послѣ этого вечера въ канскомъ театрѣ, всѣ мысли сестры Оливы сосредоточились только на одномъ; всѣ желанія и помыслы бѣдной крестьянки были направлены къ тому, чтобы поступить на сцену и сыграть донну Соль.

Конечно, трудно понять, какъ ей удалось уйти изъ дома, но сестра Олива не остановилась ни передъ какимъ препятствіемъ. Она побѣдила упорство отца и матери, побѣдила свою любовь къ родинѣ и сопротивленіе молодого человѣка, рассчитывавшаго на ея приданое. И такимъ образомъ случилось, что она, никогда въ жизни не учившаяся ничему, кромѣ деревенской стряпни и варки сидра, пристала къ странствующей труппѣ актеровъ.

Въ продолженіе всего перваго года пребыванія ея въ труппѣ, пока она научилась вполнѣ свободно владѣть парижскою рѣчью, сестрѣ Оливѣ довѣряли только выметать сцену и прислуживать настоящимъ актрисамъ. Для нея, будущей донны Соль, было не легкою задачей чистить щеткою возвышавшійся на сценѣ бархатный тронъ, или содержать въ надлежащей чистотѣ и порядкѣ туалеты примадонны. Но сестра Олива переносила все, со свойственнымъ ей добродушнымъ юморомъ, и всѣ товарищи ея полюбили ее отъ всей души. Всѣ желали ей, по возможности скорѣй, выступить.

— Ахъ, если бы у васъ нашлась хоть какая-нибудь роль для нашей бѣдной Оливы! — говорили они директору.

Наконецъ, сестрѣ Оливѣ дали роль, но далеко не такую, о какой она мечтала. Ей хотѣлось играть королеву, а ей поручили изображать мельничиху. Ей пришлось быть грубой и неотесанной и надѣть чуть ли не рубище, вываленное въ мукѣ. Сестра Олива не разъ рассказывала, что, получивъ эту роль, она почти совсѣмъ упала духомъ и заплакала. Ранѣе, когда ее заставляли мести полы и дѣстицы, она никогда не плакала.

Но сама примадонна снизошла къ сестрѣ Оливѣ, стала утѣшать ее и говорила ей, что она должна радоваться случаю имѣть наконецъ возможность выступить передъ публикой, что она никогда не можетъ рассчитывать сыграть донну Соль, если не начнетъ съ мельничихи. Она, сама примадонна, начала своего карьеру, выступивъ впервые въ роли мальчишки-сапожника.

Сестра Олива выучила роль и сыграла ее, какъ умѣла. И сыгравъ ее, она снова расплакалась. Между тѣмъ оказалось, что она сыграла ее превосходно. Зрители отъ души аплодировали ей, а товарищи поздравляли ее съ талантомъ. Всѣ совѣтовали ей остановиться на этой спеціальности и увѣрили, что даже старая, опытная актриса не исполнила бы этой роли лучше ея.

Но сестра Олива плакала потому, что вовсе не желала, чтобы ее хвалили за исполненіе роли какой-то мельничихи, тѣмъ болѣе, что внутренней горькоша наметывалъ ей, что это станетъ поперегъ дороги ея доннѣ Соль.

И сестра Олива имѣла полное основаніе плакать. Должно-быть, она предчувствовала все горе, которое предстояло впоследствии испытать ей. Отнынѣ ей пришлось выступать очень часто, но никогда ей не давали роли, которая бы могла удовлетворить ее. Никогда ей не поручали роли въ стихахъ, а если когда и ставили классическое произведеніе, въ которомъ фигурировали князья и графы, то въ нихъ никогда не находилось роли для Оливы.

Наконецъ, все это до-нельзя надоѣло сестрѣ Оливѣ, и она пристроилась въ другую труппу. Получить новый ангажементъ оказалось для нея вовсе не труднымъ. Директоры театра даже перебивали ее другъ у друга. Но сестра Олива не подписывала ни одного контракта, безъ того, чтобы директоръ не обѣщалъ ей предоставить ей роль донны Соль въ «Эрнани». Въ контрактѣ даже было оговорено, что, въ случаѣ постановки на сценѣ «Эрнани», главная роль героини принадлежитъ исключительно Оливѣ Мито. А затѣмъ директоръ давалъ ей играть ея обычныя роли, исполняемая ею съ такимъ успѣхомъ, а «Эрнани»... «Эрнани», — говорилъ онъ: — вышла изъ моды и уже не привлекаетъ публику», въ виду чего онъ и не рѣшается поставить эту пьесу.

Бѣдная сестра Олива не разъ подумывала о томъ, не лучше ли ей вернуться домой, къ своимъ яблонямъ и къ ожидавшему ее жениху, но надежда все-таки не могла въ ней изгаснуть. И она оставалась при театрѣ, продолжала играть свои маленькія роли, не стоившія ей ни труда, ни напряженія силъ, въ которыхъ она всегда пользовалась одинаковымъ успѣхомъ. Наконецъ, извѣстность ея возросла до такой степени, что директоръ *Théâtre français* пришелъ посмотреть игру ея. Результатомъ этого посѣщенія былъ переходъ сестры Оливы въ храмъ драматическаго искусства, то-есть въ домъ Мольера.

Какъ только это случилось, сестра Олива тотчасъ же начала мечтать о томъ, что теперь ничто не помѣшаетъ ей играть донну Соль на крупнѣйшей сценѣ Франціи, и она чуть не начала издѣваться надъ своимъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мелкихъ лицъ, торговокъ, мельничихъ и тому подобнымъ, доставившихъ ей такую извѣстность.

Зарядь-прапорщикъ 5 вост.-сибир. стрѣл. полка Илличевскій, раненый въ лѣвую руку и ослѣпшій на оба глаза. Подпоруч. 35 пѣх. брянскаго полка Самыгинъ, тяжело раненый. Капитанъ 14 вост.-сибир. стр. полка Ушаковъ, тяжело раненый.

Офицеры, раненые въ Портъ-Артурѣ, эвакуированные въ Россію и представлявшіеся Государю Императору въ Новомъ Петергофѣ, въ Фермерскомъ дворцѣ, 13 июля с. г.

По фот. генер. А. Насвѣтевича, авт. «Нивы».

По счастью для сестры Оливы, знаменитая исполнительница ея излюбленной роли производила на нее своей игрой такое глубокое впечатлѣніе, что Олива въ продолженіе многихъ лѣтъ даже не рѣшилась заговорить о своемъ заветномъ желаніи. Но время проходило, и она боялась состариться. «Ты должна настоять на своемъ теперь-же, или никогда,—сказала она себѣ.—Ты знаешь, что способна сыграть донну Соль, какъ никто до тебя еще не игралъ ее. О чемъ же ты наконецъ думаешь? Чего ты медлишь, Олива? Вѣдь ты все еще не достигла цѣли всѣхъ своихъ желаній. Неужели же ты покинула свою родину только для того, чтобы играть старыхъ бабъ-крестьянокъ и торговокъ? Боже мой! Для чего тебѣ было добиваться чести попасть въ Théâtre français, если ты будешь продолжать играть только деревенскихъ дурь?»

Словомъ, она твердо рѣшилась и переговорила съ директоромъ, который и обѣщаль исполнить ея желаніе при первой возможности. Между тѣмъ, въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, онъ отдѣлывался отъ нея только пустыми обѣщаніями.

Прослуживъ въ Théâtre français полныя десять лѣтъ, она снова, и уже рѣшительно, явилась къ директору со своимъ требованіемъ. «Я прослужила на вашей сценѣ болѣе, чѣмъ Яковъ за Рахиль,—сказала она:—и вы должны, наконецъ, сдержать ваше обѣщаніе и дать мнѣ мою донну Соль».

Директоръ пригласилъ на совѣщаніе всѣхъ артистовъ, имѣющихъ какое-либо значеніе въ теа-

трѣ и сообщил о желаніи Оливы Мито. «Мы должны предоставить Оливѣ Мито возможность хоть одинъ разъ попытать себя въ этой роли,—сказали они.—Нѣтъ сомнѣній, что она ее провалитъ, но разрѣшить и покончить навсегда вопросъ этотъ нѣтъ иного способа».

Въ слѣдующія за этимъ недѣли сестра Олива бросила всѣ свои другія занятія и всецѣло предалась изученію и репетиціямъ своей излюбленной роли. Но замѣчательнѣе всего было то, что она тотчасъ же поняла, что у нея недостаетъ нужнаго воодушевленія для своей великой задачи. «Но я должна сдѣлать это,—думала она:—хотя, кажется, буду рада, когда все будетъ кончено и я снова могу взяться за свои прежнія роли».

А иногда, когда она цитировала возвышенныя рѣчи своей роли, она находила ихъ ненатуральными, напыщенными и безвкусными. «Ахъ,—говорила она:—мнѣ дали слишкомъ состариться!»

Вина, собственно говоря, была на ея сторонѣ. Она не привыкла къ стихамъ и не могла привыкнуть къ нимъ такъ сразу, чтобы сказать ихъ просто и естественно. Высокопарныя рѣчи эти ей просто не давались. Она поняла, что должна приучиться совершенно иначе ходить и двигать руками. «Это пустяки,—утѣшала она самое себя:—развѣ кто-нибудь ходилъ или говорилъ такъ, какъ эта донна Соль? Эта роль—вовсе не для человѣка!»

По временамъ, однако, у сестры Оливы, все-таки, проявилось прежнее воодушевленіе этой ролью, и тогда она думала: «Когда я, дѣйствительно, выступлю, когда, наконецъ, уже буду на сценѣ, тогда на меня найдетъ и вдохновеніе, и я олицетворю эту донну Соль такъ, какъ это еще никому не удавалось! Я знаю, что роль эта живеть во мнѣ, что она составляетъ мое второе я. Развѣ можно придавать значеніе тому, что она не удастся мнѣ на репетиціяхъ? Я знаю, что въ великій моментъ она удется мнѣ въ совершенствѣ».

Тѣмъ не менѣе, послѣ каждой новой репетиціи она приходила въ отчаяніе, и чувство это раздѣляли не только директоръ, но и всѣ остальные артисты.

— Mademoiselle Miteau,—весьма ласково обратился къ ней

1. Кап. квантун. крѣп. арт. Любинскій. 2. Поруч. пограничн. стражи Лоздовскій. 3. Поруч. 15 вост.-сибир. п. Карбанновъ. 4. Подпоруч. 26 вост.-сибир. стр. п. Ломанъ. 5. Поруч. 26 вост.-сибир. стр. п. Василевскій. 6. Поруч. 26 вост.-сибир. стр. п. Максимовъ. 7. Подпоруч. 25 вост.-сибир. п. Никольскій. 8. Поруч. 13 вост.-сибир. стр. п. Пригожий. 9. Капит. 12 вост.-сибир. п. Зянгловскій. 10. Подпоруч. 25 вост.-сибир. стр. п. Жегаловъ. 11. Кап. 28 вост.-сибир. стр. п. Сикорскій. 12. Кап. 2 вост.-сибир. п. Ушаковъ. 13. Поруч. 14 вост.-сибир. п. Кишинскій.

Наши офицеры въ плѣну въ г. Нагоѣ. За чтеніемъ. По фот., снятой подпоруч. Жегаловымъ 23 мая с. г., авт. «Нивы».

однажды директоръ.— Общаніе мое неизмѣнно, и все будетъ по вашему желанію, но вы сами, дѣйствительно ли вы этого хотите?

— Не знаю, хочу ли, — сказала она: — но знаю, что должна это сдѣлать.

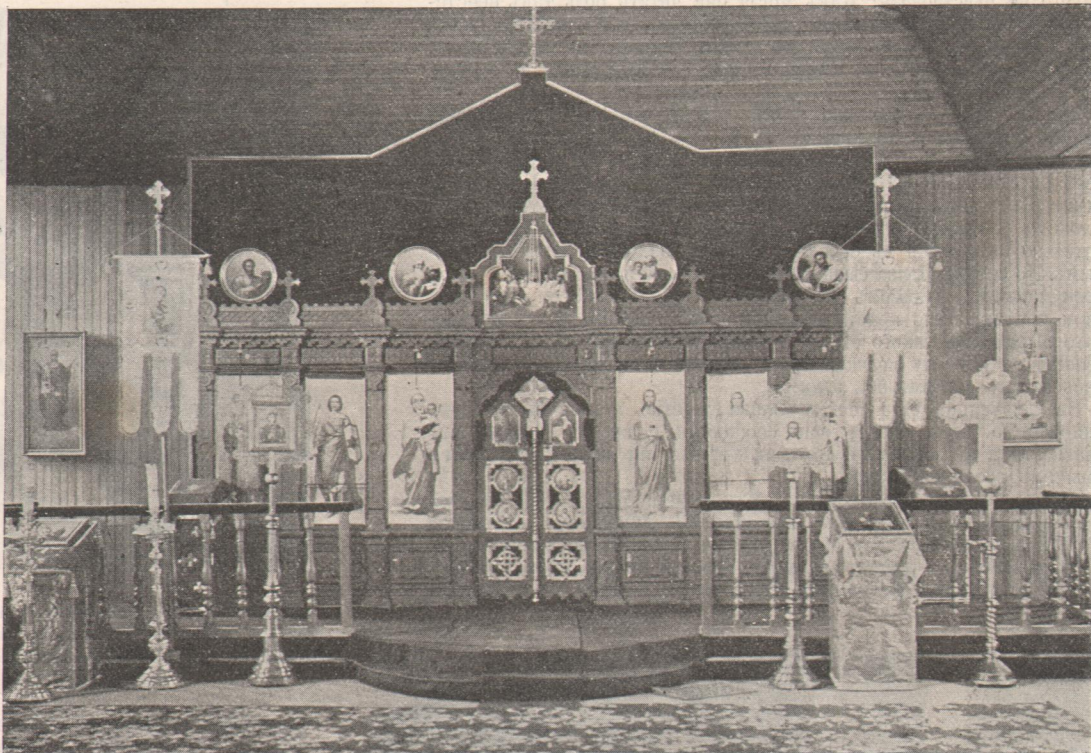
Она уже начала предвидѣть свое пораженіе, пораженіе именно въ томъ, что она считала честолюбивѣмъ всей своей жизни, пораженіе въ насмѣшливомъ Парижѣ, на первѣйшей сценѣ Франціи.

Вскорѣ сестра Олива начала проявлять равнодушіе къ самой роли; она занялась только посторонними вещами, примѣрала парики, выбирала между чернымъ и рыжимъ и дѣлала это съ такимъ видомъ, какъ будто отъ этого зависѣло все счастье ея жизни.

Костюмы свои она примѣрала съ несмысленной точностью. Она гримировалась для репетиціи то розовой блондинкой, то смуглой брюнеткой. Но, играя, бывало, субретку, она казалась премиленькою и даже граціозною, теперь же, въ костюмѣ важной дамы, была неуклюжа и неповоротлива. А лицо ея, подъ чепцомъ камеристки казавшееся молодымъ и свѣжимъ, при изображеніи испанской донны Соль выглядѣло не только увядшимъ, но даже старымъ.

«Это, все-таки, должно мнѣ удался, — думала она. — Уже въ семнадцать лѣтъ я чувствовала, что родилась на свѣтъ единственно для исполненія этой роли!»

Старая пьеса «Эрнани» въ наши дни уже не дѣлаетъ сборовъ, но въ тотъ вечеръ, когда должна была выступить въ ней сестра

Новая церковь при манежѣ 8 флотскаго экипажа, во имя св. Николая Чудотворца, освященная 14 июля с. г. и сооруженная въ память моряковъ, погибшихъ въ войну съ Японіей. Иконы для церкви писаны матросомъ Владиміровымъ, погибшимъ 14 мая, въ Цусимскомъ бою, на броненосцѣ „Князь Суворовъ“. По фот. авт. «Нивы».

Олива, всѣ мѣста были проданы. Всѣ знали исторію сестры Оливы, и долгодѣтная страсть ея къ доннѣ Соль даже вызвала у нѣкоторыхъ умиленіе.

— Отчего ей не дали сыграть эту роль ранѣе? — спрашивали нѣкоторые.

— Она слишкомъ стара, она будетъ невозможна, — говорили другіе.

Между тѣмъ находились люди, почему-то увѣренные, что роль ей все-таки удался, потому что это было ея призваніе. И до начала спектакля, среди публики, царилъ напряженное ожиданіе.

Но что было, когда взвился занавѣсъ и вышла сестра Олива, когда она заговорила! У всей публики, какъ-будто, вырвался одинъ единодушный, вымученный вздохъ разочарованія, затѣмъ уже всеобщій, напряженный интересъ пропалъ безвозвратно. Всѣ старались быть слѣпыми и глухими и, по возможности, совсѣмъ забыть о ея существованіи.

Нѣкоторые испытывали даже невольный страхъ при воспоминаніи о несчастной идеѣ, всецѣло властвовавшей надъ сестрой Оливой и направившей ее на такой ложный путь. Вѣдь то же самое могло случиться и съ каждымъ.

Тѣмъ не менѣе, она можетъ считать себя счастливою; вѣдь фантазія эта помогла ей достигнуть превосходнаго положенія, — говорили другіе, — ей вовсе не нужно было и не слѣдовало играть этой ужасной роли, разъ она ей вовсе не по характеру.

Сестра Олива отчаялась въ самой себѣ. Отчего она не разо-

Власовъ, Медвѣдевъ, Рогачевъ, Скабѣевъ, Болдыревъ, Зацѣпінъ, Демкинъ, Бахуленковъ, Тренинъ, Герасимовъ, Савушкинъ, Сарычевъ, Рыковъ, Пономаревъ.

Сапрыгинъ, Люцедарскій, Ольховый, Шефтель, Вайнштокъ, Ѳ. Чепелевъ, Г. Вейденбаумъ, Ф. Тобизень, Ю. Служалекъ, С. Новицкій, Г. Цыпкинъ, П. Рыжковъ, Голубевъ.

М. Козлова, В. Боровскій, П. Алексѣевъ, О. Бурхардъ, Ремизова, Б. Карвовскій.

Медицинскій персоналъ 5 хабаровскаго своднаго госпиталю, состоящаго изъ 4-хъ бараконъ, каждый на 135 больныхъ и раненыхъ. По фот. авт. «Нивы».

шлась въ своей роли? Отчего оставалась такой холодной, отчего ничего не чувствовала? Как могла она читать роль так неестественно? Развѣ она не артистка? Она готова была освистать самоѣ себя. Вѣдь она должна страстно любить Эрнани, а, между тѣмъ, въ обращенномъ на него взорѣ ея отсутствовалъ даже и намекъ на страсть къ нему.

«Ахъ, что я сдѣлала изъ своей донны Соль!» — думала она, тяжело и неуклюже ступая по сценѣ.

Впоследствии сестра Олива даже не была въ состояннн дать себѣ отчета, какъ ей удалось дотянуть роль до конца. Публика не отнеслась къ ней жестоко, напротивъ—была слишкомъ милосердна. Что она совершенно провалила свою роль и что могла такъ основательно ошибиться въ своемъ призваннн, находили даже интереснымъ. Но сестра Олива была любима публикой, и провалъ ея въ этой роли никомъ образомъ не повредилъ ей. Со стороны публики, да и критики было крайне деликатно, что онѣ отказались отъ всякаго выраженнн какого бы то ни было мнѣннн съ своей стороны, обошли ея неудачу молчаннемъ и по возможности даже постарались забыть совсѣмъ объ этомъ.

На слѣдующее утро сестра Олива тщетно искала въ газетахъ рецензій о игрѣ своей, или сообщеннн о своемъ полнѣйшемъ фиаско. Она не нашла ни того, ни другого, ни даже упоминаннн о бывшемъ вчера спектаклѣ.

Это ее поразило и вмѣстѣ съ тѣмъ повергло въ полное унынне. «Неужели же я была такъ невозможна?—думала она.—Неужели я была такъ ужасна, что обо мнѣ даже и писать не рѣшились?» Въ течение дня директоръ лично сдѣлалъ визитъ сестрѣ Оливѣ. Онъ не обошелъ молчаннемъ того, что случилось, но объяснилъ

Лазаретъ кружка тифлискихъ женщинъ для больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ-кавказцевъ. Врачебный персоналъ: женщина - врачъ Петропавловская, сестра милосерднн Котельникова. По фот. авт. «Нивы».

Станцн Сыпингай. Головной санитарный поѣздъ д-ра Недлера.

По фот. нашего специальнаго корреспонд. В. Табурина, авт. «Нивы».

это и отнесся къ этому, какъ врачъ, который изслѣдуетъ болѣзненное явленне.

— Вы ждали чересчуръ долго, и такое продолжительное ожиданне слишкомъ напрягло ваши нервы. Это лишило васъ присутствнн духа и правильнаго соображеннн. Вы играли, такъ сказать, съ петлей на шеѣ и съ пугами на рукахъ. Нельзя было ожидать, чтобы роль эта удалась вамъ съ перваго раза, но сегодня вы — отдохнете, успокоитесь, зато завтра — уютно ли вамъ будетъ попытаться завтра еще разъ сыграть эту роль?

Сестра Олива задумалась. Бываетъ, что, испытавъ пораженне, чувствуешь, какъ будто второй опытъ будетъ непременно удаченъ, если только хватить смѣлости на него рѣшиться. Но, услышавъ предложенне директора, сестра Олива ничего подобнаго не ощущала. У нея не хватило силъ предпринять борьбу еще разъ. У нея даже не было охоты къ этому. Какъ скверно бы дѣло ни окончилось, она все-таки была довольна, что все это прошло.

Сестра Олива поблагодарила директора и сказала: «нѣтъ».

I рядъ: Пом. смотрителя Грнелъскнн, д-ръ Сагаловъ, смотритель капит. Скурскнн, д-ръ Бельдюгинъ, сестра Флерова, сестра Линочева, сестра Воронина, сестра Филиппова, д-ръ Замуравкинъ, д-ръ Едокимовъ, провиз. Прозоровъ, фельдш. Глухаревъ.

II рядъ: Пом. смотрит. Шептала, сестра Лагутова, иеромонахъ Никифоръ, главный врачъ Хошевъ, старшая сестра Гельманъ, д-ръ Гусевъ, д-ръ Лихачевъ.

III рядъ: сестра Чистякова, сестра Разумова, сестра Гусева, сестра Губанова.

Персоналъ 22-го своднаго госпиталя въ Харбинѣ. По фот. авт. «Нивы».

Общестіе сестер милосердія бессарабскаго санитарнаго отряда въ г. Никольскѣ-Уссурийскомъ. По фот. Я. Бронштейна, авт. «Нивы».

вдруг почувствовала къ ней отвращеніе. Ей даже пришлось принудить себя играть. Это нельзя было назвать страхомъ, нѣтъ, это было просто какое-то неопредѣленное чувство отвращенія.

Къ тому же, уже при самомъ выходѣ ея на сцену, гдѣ она всегда чувствовала себя, какъ дома, на нее вдруг повѣяло ледянымъ холодомъ. Она чувствовала, что черты лица ея становятся безжизненными, какъ въ тотъ ужасный вечеръ, когда она играла испанку, а когда она заговорила, то снова услышала отталкивающій, ненатуральный голосъ донны Соль.

Она, въ продолженіе всей зимы, боролась противъ своего возрастающаго отвращенія къ сценѣ, но въ концѣ концовъ, все-таки, должна была признать себя побѣжденною.

— Теперь я уже достаточно испортила ролей,—сказала она директору:—чтобы не понять, что пѣсенка моя спѣта. Мнѣ остается только одно, а именно, отказаться отъ сцены.

Послѣ этого она пришла въ нашу общину и сдѣлалась сестрой милосердія. Она была всегда спокойна, весела, и всѣ больные ее очень любили. Она и сама чувствовала себя у насъ счастливою. Кажется, что уже въ самой натурѣ ея было чувствовать себя счастливою.

Когда я съ нею познакомилась, я была еще совсѣмъ молодою. Иногда я спрашивала у нея: «Скажите, сестра Олива, неужели же вы не скучаете о вашемъ театрѣ, успѣхахъ и пзціицной вашей обстановкѣ?»

Медицинскій персоналъ полтавскаго лазарета въ г. Никольскѣ-Уссурийскомъ. По фот. Я. Бронштейна, авт. «Нивы».

Председатель Алексѣвскаго Комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей, членъ государственнаго совѣта П. П. Семеновъ. По фот. авт. «Нивы».

заль консуль.—Вѣдь я видѣлъ ее на сценѣ, вашу сестру Оливу. Я даже былъ въ театрѣ, въ тотъ самый злополучный для нея вечеръ, и помню, какъ ужасно она играла донну Соль. Да, это былъ провалъ въ полномъ смыслѣ! Ну, а какое ваше мнѣніе объ этомъ, сестра?

— Объ этомъ, кажется, можетъ быть только одно мнѣніе,—вмѣшался капитанъ.—Призваніе страшно обманчиво.

— Ему доверять не слѣдуетъ,—прибавилъ художникъ.

— Не слѣдуетъ доверять!—воскликнулъ консуль, почти съ гнѣвомъ.—Послѣ этого, значитъ, не слѣдуетъ доверять и любви? Но что бы было съ нами безъ нея? Ничего! И что мы можемъ сдѣлать такого, къ чему мы не чувствуемъ призванія? Ничего! На что мы годимся? Ни на что! Какое ваше мнѣніе, сестра Агнеса?

— Я полагаю, что это, такъ или иначе, основано на чемъ-то божественномъ.

— Да, вѣроятно,—сказалъ консуль.—А если это божественное можетъ быть и опасно, то не намъ судить это.

Какъ сейчасъ помню сестру Оливу, когда я обратилась къ ней съ такимъ вопросомъ. Съ годами она все болѣе и болѣе стала превращаться въ старую крестьянку. Она зажирила, на лицѣ ея появились морщины, и оно какъ-то поглубило. Но, съ своимъ широкимъ, характернымъ подбородкомъ и ясными большими глазами, она казалась вполне крѣпкой, сильной и разсудительной женщиной.

— О чемъ мнѣ скачать?—возразила она.— Вѣдь я уже не могла болѣе выносить этого. На что у меня было желаніе, на то у меня не хватало способности, а на что у меня была способность, на то у меня не было охоты.

— Вотъ и вся исторія сестры Оливы,—заклонила сестра милосердія.

— Знаете что?—ска-

Алексѣвскій Комитетъ.

(Съ портр. на этой стр.).

16 іюня текущаго года состоялся чрезвычайно важный и отраднѣй правительственный актъ: въ этотъ день былъ Высочайше утвержденъ особый Главный Комитетъ по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей. Согласно Монаршей волѣ Комитетъ этотъ получилъ наименованіе «Алексѣвскаго», при чемъ председателемъ его былъ назначенъ членъ государственнаго совѣта, д. т. с. Семеновъ, а управляющимъ дѣлами д. с. с. Треповъ.

Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату отъ 16 іюня гласитъ по этому поводу слѣдующее:

«Среди царственныхъ заботъ нашихъ, усугубленныхъ неиспытаннымъ нами испытаніемъ возгорѣвшейся войною, Всевышнему угодно было утѣшить насъ рожденіемъ Сына, Наслѣдника Престола нашего.

«Глубоко умиленные этимъ радостнымъ событіемъ, вмѣнили Мы Себѣ въ священную обязанность озаботиться призрѣніемъ и воспитаніемъ дѣтей вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, запечатлѣвшихъ кровью на далекой окраинѣ пламенную ихъ преданность Отечеству.

«Во исполненіе таковой нашей воли, образованнымъ нами, подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря графа Сольскаго, Особымъ Совѣщаніемъ выработаны правила объ обезпеченіи судьбы этихъ сиротъ, при чемъ предположено высшее руководительство этимъ дѣломъ возложить на особый Главный Комитетъ. Предположенія эти, одобренныя государственнымъ совѣтомъ, признавъ за благо утвердить, Мы вмѣстѣ съ тѣмъ пожелали поддѣлать святое дѣло связать и въ будущемъ съ Именемъ Любезнаго Сына нашего. Мы твердо увѣрены, что Главный Комитетъ, проникнувшись чувствами любви и состраданія, не пощадитъ силъ, дабы

Временный лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ, учрежденный кружкомъ дамъ въ посадѣ Колпино. Палата. По фот. авт. «Нивы».

теплою заботливостью о судьбѣ осиротѣвшихъ замѣнить имъ, въ мѣрѣ возможности, попеченіе главы семьи.

«Моля Всевышняго, да возрастетъ ввѣряемое попеченію Комитета молодое поколѣніе бодрымъ тѣломъ и духомъ, поведѣваемъ».

«Главному Комитету по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей, присвоить наименованіе Алексѣвскаго».

Того же 16 іюня удостоились Высочайшаго утвержденія и «правила» призрѣнія дѣтей, выработанныя государственнымъ совѣтомъ. Правила эти разработаны весьма тщательно и детально, и сущность ихъ вкратцѣ сводится къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ:

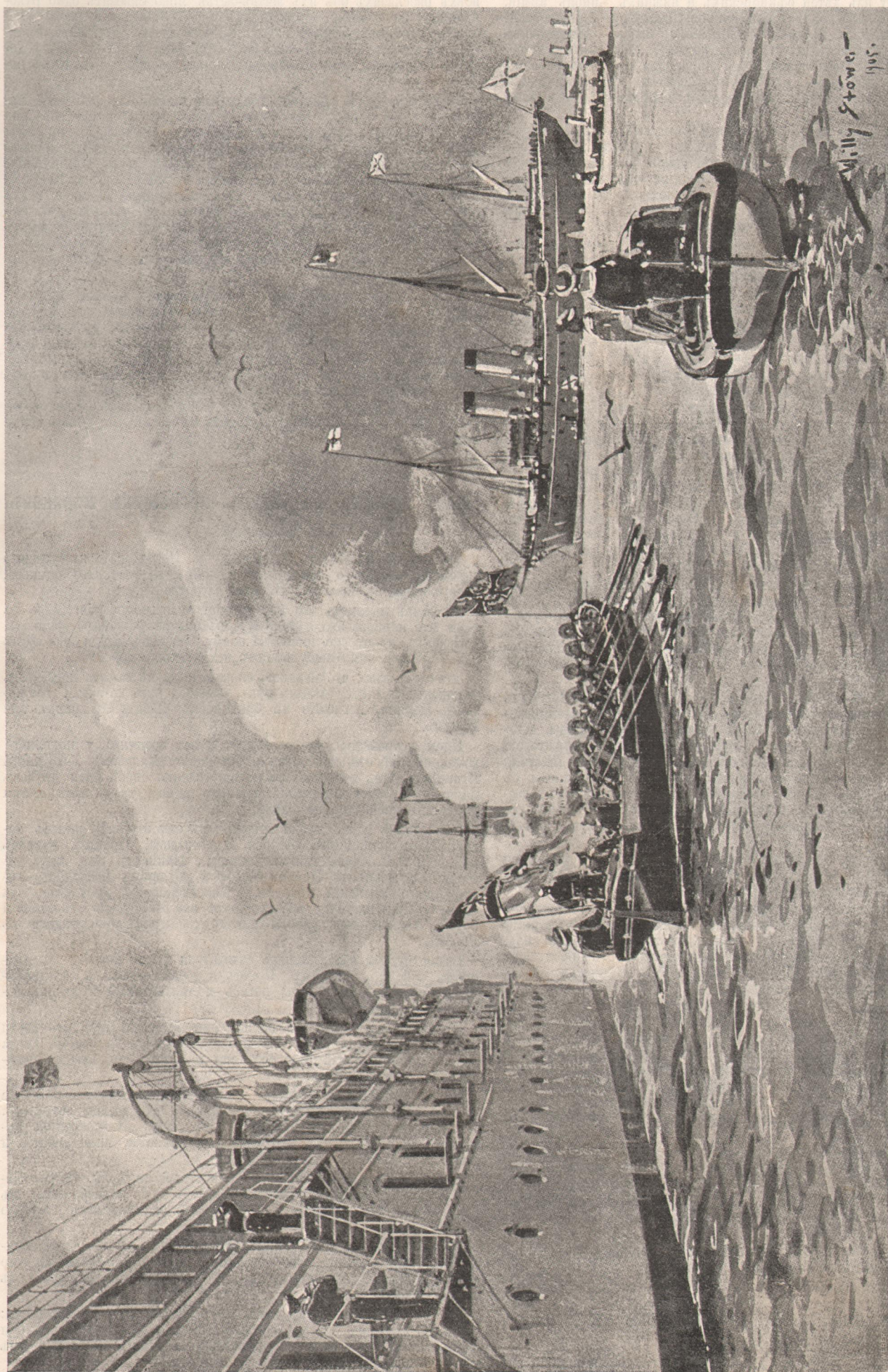
Сиротамъ-дѣтямъ, какъ офицерамъ, такъ и дѣтямъ нижнихъ чиновъ, погибшихъ въ русско-японскую войну, предоставляется право на казенное вспомошествованіе. вспомошествованіе же это выражается или въ денежномъ отъ казны пособіи, или въ содѣйствіи къ обезпеченію образованія.

Слѣдуетъ замѣтить, что Высочайше утвержденныя «правила 16 іюня» редактированы очень широко, и имъ свойственна чрезвычайная щедрость примѣненія.

Временный лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ, учрежденный кружкомъ дамъ въ посадѣ Колпино. Комитетъ учредителей и призрѣваемые раненые. По фот. авт. «Нивы».

Свиданіе Монарховъ въ Біоркэ, 10 іюля 1905 г. Его Величество Императоръ Вильгельмъ направляется къ Императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда“. Германскій крейсеръ „Берлинъ“ производитъ салютъ. Рисунокъ в. Штёвера, арт. «Нивы».

Такъ, сообразно имъ, «право на вспомошествованіе принадлежатъ каждому изъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ арміи, флота и отдѣльнаго корпуса пограничной стражи и корпуса жандармовъ, *убитыхъ* въ войнѣ съ Японіей». Но къ убитымъ присоединяются также и другія лица, вообще, такъ или иначе погибшія на войнѣ: цитируемый нами «правила» предусматриваютъ также смерть отъ ранъ, или отъ болѣзней или отъ какихъ-либо вѣшнихъ и внутреннихъ поврежденій, вызванныхъ условіями военного времени.

Мало того: право на пособіе имѣютъ дѣти и тѣхъ лицъ, которые умерли и не отъ неприятельскаго оружія и послѣ эвакуаціи и даже внѣ района военныхъ дѣйствій, лишь бы кончина этихъ лицъ послѣдовала до истеченія года со дня объявленія о приведеніи арміи на мирное положеніе. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пособіе дѣтямъ выдается и при живомъ отцѣ, если только онъ вполне утратитъ на войнѣ свою трудоспособность.

Не ограничиваясь затѣмъ дѣтьми собственно - военныхъ лицъ, правила ставятъ въ одинъ разрядъ съ ними сверхъ того и дѣтей многихъ другихъ лицъ (напримѣръ, чиновъ медицинскихъ, священнослужителей, дружинниковъ, гражданскихъ чиновъ и пр.), если только эти лица тоже умерли на войнѣ и, вообще, подходили подъ одинаковыя съ офицерами и нижними чинами условія.

Что касается размѣровъ пособій, то на дѣтей *мѣстныхъ* чиновъ—на каждого сироту выдается отъ 18 до 36 р. въ годъ. *Офицерскія же дѣти* получаютъ слѣдующія суммы:

Въ возрастѣ до 6 лѣтъ отъ роду каждому ребенку выдается по 75 р. въ годъ, а въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ — по 125 р. (Взамѣнъ этого дѣти могутъ быть помѣщаемы въ пріюты и другія подобныя заведенія). По достиженіи же 10-лѣтняго возраста на воспитаніе и обученіе каждого изъ дѣтей выдается уже по 300 р. въ годъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже по 450 р. При поступленіи въ учебное заведеніе дѣти пользуются къ тому же еще и особымъ «путевымъ пособіемъ» на проѣздъ. А по окончаніи курса средняго учебнаго заведенія, если не пожелаютъ поступить (на казенный же счетъ) въ высшее учебное заведеніе—имъ выдается одновременно «на обезаженіе»—150 рублей.

Учрежденія, выдающія призрѣніе дѣтей, т.-е. Главный Комитетъ и предложенныя къ открытію провинціальныя комитеты, «обязаны содѣйствовать опредѣленію дѣтей въ соответствующія учебныя заведенія». Для этой цѣли они должны собирать справки объ имѣющихся въ такихъ заведеніяхъ (преимущественно военного вѣдомства) вакансіяхъ и, вообще, должны принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить дѣтямъ доступъ туда.

Сверхъ того Высочайше повелѣно содержать при кадетскихъ корпусахъ 80 малолѣтнихъ (считая въ томъ числѣ 40 призрѣваемыхъ въ пансіонахъ-пріютахъ Государыни Императрицы Александры Θεодоровны) сыновей офицеровъ, священнослужителей, врачей и чиновниковъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, и сыновей такихъ же лицъ, бывшихъ на войнѣ и вернувшихся съ нея вслѣдствіе ранъ, увѣчий и болѣзней. Высочайше повелѣно также обратить 325 своекоштныхъ вакансій въ кадетскихъ корпусахъ въ казеннокоштные — спеціально для сиротъ военныхъ лицъ, погибшихъ на войнѣ.

Таковы правила, которыми отнынѣ будетъ руководствоваться Алексѣевскій Комитетъ. Трудно представить что-либо болѣе глѣбообразное, благожелательное и сердечное.

Такимъ образомъ, съ настоящаго времени вполне обезпечена участь дѣтей героев-тружениковъ, положившихъ жизнь на защиту родины. Нечего, конечно, и говорить о томъ, насколько поддержитъ это духъ у нашихъ воиновъ, знающихъ отнынѣ, что, въ случаѣ ихъ гибели, дѣти ихъ не останутся безъ поддержки, но получатъ и пропитаніе, и образованіе.

12-го іюля состоялось первое засѣданіе Алексѣевского Комитета. Въ этомъ засѣданіи председатель Комитета П. П. Семеновъ въ прочувствованной рѣчи ознакомилъ присутствовавшихъ съ исторіей возникновенія Комитета, указалъ на его громадное значеніе и предложилъ «повернуть къ стопамъ Государя Императора всеподданнѣйшую благодарность отъ имени всѣхъ Его вѣроподданныхъ, коихъ коснулась объявленная съ высоты Престола милость, и отъ Комитета въ особенности, призваннаго къ проведенію ея въ жизнь».

Комитетъ всецѣло присоединился къ заявленію своего председателя и постановилъ журналъ председателя повернуть на Высочайшее Его Императорское Величество благовозрѣніе.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ председателя Алексѣевского Главнаго Комитета, Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ:

«Отъ всей души желаю Алексѣевскому Комитету успѣшной и плодотворной дѣятельности. Богъ въ помощь».

Изъ быта нашихъ военноплѣнныхъ въ Японіи.

(Рис. на стр. 612).

Время отъ времени до насъ доходитъ вѣсти о томъ, какъ жи-

вуть и чувствуютъ себя наши военноплѣнные въ Японіи — и во всѣхъ разказахъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ ярко сквозитъ одно руководящее настроеніе: оторванность отъ родины, отъ всего русскаго, русскимъ людямъ всего тяжелѣе даетъ себя знать, именно, эта оторванность. И какъ радуются они, когда въ ихъ уединеніе попадаетъ хотя что-нибудь, напоминающее о далекой родинѣ!

Фотографическій снимокъ, воспроизведенный на стр. 612 настоящаго № «Нивы», изображаетъ любопытную сценку изъ быта нашихъ воиновъ, томящихся въ японскомъ плѣну: дѣло происходитъ въ г. Нагоѣ, въ помѣщеніи Такукендзи, гдѣ сгруппировано много нашихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Портъ-Артуромъ. Одному изъ офицеровъ послали изъ Россіи «Ниву» за 1904 г.— и эта, казалось бы, скромная посылка, произвела среди всѣхъ плѣнныхъ настоящую сенсацію. Къ счастливцу, получившему русскій журналъ, немедленно присоединились всѣ товарищи. Всѣмъ и каждому страстно захотѣлось поглядѣть на русскія картинки, на русскую печать. И въ помѣщеніи Такукендзи наступилъ настоящій праздникъ.

При всемъ томъ страстномъ желаніи имѣть русскія книги и журналы, какимъ томятся наши плѣнные въ Японіи, они все-таки до сихъ поръ лишь изрѣдка имѣютъ возможность удовлетворить это желаніе. Воспроизводимый нами рисунокъ достаточно ярко доказываетъ это — и мы помѣщаемъ его именно съ умысломъ: пусть наши читатели вспомнятъ о томъ, какъ дѣнятся теперь среди нашихъ плѣнныхъ русская газета и книга, и пусть постараются устроить для нихъ еще нѣсколько такихъ же скромныхъ праздниковъ, какой проходилъ въ Нагоѣ въ описываемое время.

Новая церковь въ память погибшихъ моряковъ.

(Рис. на стр. 613).

14-го іюля, въ Галерной гавани, въ Петербургѣ происходило скромное торжество освященія церкви 8-го флотскаго экипажа, сооруженной въ честь св. Николая Чудотворца.

Въ семьѣ моряковъ это было знаменательное событіе. Дѣло въ томъ, что церковь эта воздвигнута въ память русскихъ моряковъ, погибшихъ въ русско-японскую войну. Это—первый и покамѣстъ единственный памятникъ нашимъ несчастнымъ героямъ...

Знаменательно, что церковь, сооруженная въ память погибшихъ моряковъ, является дѣломъ рукъ, именно, ихъ самихъ... Ее создали моряки, погибшіе на броненосцѣ «Князь Суворовъ» при Цусимѣ.

Идея устройства описываемаго храма возникла у покойнаго командира броненосца «Князь Суворовъ», капитана 1-го ранга Игнаціуса. Онъ привлекъ къ осуществленію своей идеи другихъ моряковъ и, какъ художникъ, принялъ на себя трудъ завѣдыванія художественной стороною дѣла.

Онъ сумѣлъ найти среди вѣранныхъ ему нижнихъ чиновъ талантливаго помощника, матроса Владимірова. Простой матросъ написалъ всѣ образа для иконостаса... Написалъ ихъ, какъ настоящий художникъ. Писалъ онъ ихъ во время послѣдняго героическаго плаванія эскадры Рожественскаго, употребляя на свою художественную работу почти все свободное отъ занятій время. Оконченныя работы потомъ съ пути пересылались въ Россію.

Волею судьбы оба главныхъ создателя храма погибли въ морскомъ бою при Цусимѣ. Погибъ и руководитель, и вдохновитель, командиръ Игнаціусъ, погибъ и талантливый художникъ — матросъ Владиміровъ.

Но идея ихъ и дѣло ихъ не погибли. Церковь была уже почти закончена еще при уходѣ эскадры въ плаваніе — и нынче, когда все въ ея устройствѣ было доведено до конца, состоялось торжественное освященіе ея.

Вновь освященная церковь производитъ чрезвычайно-приятное впечатлѣніе своимъ просторомъ, свѣтомъ и изящною отдѣлкой. Упомянемъ, кстати, что запрестольный образъ «Воскресеніе» написанъ тоже матросомъ 8-го флотскаго экипажа, находящимся и понынѣ на службѣ.

Настоятелемъ церкви состоитъ извѣстный проповѣдникъ-миссіонеръ, о. І. Лопухиловъ, незадолго предъ тѣмъ переведенный въ Петербургъ изъ Эривани, гдѣ онъ былъ настоятелемъ мѣстнаго собора.

Грустно было на душѣ у присутствовавшихъ на торжествѣ освященія. Память объ ужасной цусимской катастрофѣ слишкомъ еще свѣжа, и всякое напоминаніе о ней бередитъ тяжелыя раны въ нашихъ сердцахъ.

Но въ этомъ грустномъ торжествѣ звучала и отрадная нотка: невольнo думалось, что не остались все-таки наши безответные и многострадальные герои-мученики безъ памятника. Родина будетъ чтить ихъ память въ создающемъ ими храмѣ.

С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава).

(Портретъ на этой стр.).

Десять лѣтъ тому назадъ скончался извѣстный русскій писатель Сергѣй Атава.

Подъ этимъ именемъ его знала «большая публика». Меньшая, избранная часть читателей знала, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается имя Сергѣя Николаевича Терпигорева.

С. Н. Терпигоревъ—крупный талантъ и притомъ талантъ исключительно національный, рожденный и воспитанный нашей родиной и условиями ея жизни.

Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «Оскудѣніе», которому нынѣ исполнилось ровно 25 лѣтъ, онъ нарисовалъ картину медленнаго, но вѣрнаго разложенія дворянъ-крѣпостниковъ, жалкихъ, неумѣлыхъ, неприспособленныхъ къ бодрой и плодотворной дѣятельности людей, погубленныхъ лѣнью и барствомъ крѣпостничества.

«Освобожденіе» свалилось къ нимъ на головы внезапно. Они до

последней минуты не вѣрили въ него и поэтому не приготовились къ условіямъ новой жизни. Въ расчетъ на крѣпкую спину раба-мужика, они продолжали ничего не дѣлать, ничего не знать, ничего не умѣть—и такое же воспитаніе—въ духѣ того же незнанія и неумѣнія—давали своимъ «Петенькамъ», отправляя ихъ въ Петербургъ въ «школу статскихъ юнгеровъ». Но, вотъ, громъ грянулъ—рабы-кормилицы отъ нихъ отошли, доходы съ имѣній упали. А между тѣмъ «Петеньки» въ своихъ школахъ приобрѣли блестящія манеры и вкусъ къ легкому прожиганію жизни и требуютъ отъ родителей все новыхъ и новыхъ суммъ. И тогда начинается продажа дворянскихъ гнѣздъ разнымъ кулакамъ-купцамъ Подъугольниковымъ и сутягамъ Сладкопѣцевымъ, и закладъ имѣній въ банкахъ. А когда и эти деньги «проѣдены», тогда оскудѣвшіе помещики пускаются въ разные «отхожіе промыслы», устраиваютъ какіе-нибудь недѣльные заводы (напримѣръ, заячій заводъ—для выдѣлки консервовъ изъ зайцевъ), тщетно пытаются торговать. Въ концѣ концовъ все у нихъ рушится, и на развалинахъ прежняго крѣпостного благополучія и раздолья крѣпко усаживается «новый баринъ», т. е. бывшій мужикъ, а нынѣ купецъ, Подъугольниковъ. Однимъ словомъ, «чума зыи идетъ»—какъ у Салтыкова! И даже не идетъ, а уже пришелъ и даже пустилъ корни и размножился. Такому же разгрому подверглись и наиболее мудрые изъ «оскудѣвшихъ»—именно тѣ, которые пытались заняться такъ-называемымъ «раціональнымъ хозяйствомъ», т. е. заводили земледѣльческія орудія, тонкорунныхъ овецъ и пр. безъ настоящихъ знаній,

опытности и умѣнья, и они въ концѣ концовъ гибли, давая мѣсто «новому барину».

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе терпигоревскаго «Оскудѣнія»—этого истиннаго шедевра въ своемъ родѣ. Мы нарочно привели его содержаніе и терминологию. «Петенька», «Подъугольниковъ», «новый баринъ»—все это плоды писательской музыки С. Н. Терпигорева. И читатели наши, навѣрное, уже замѣтили нѣкоторую общность этихъ сюжетовъ съ сюжетами и персонажами М. Е. Салтыкова.

Терпигоревъ и Салтыковъ-Щедринъ—близкая родня. Обоихъ этихъ писателей тѣсно сближаетъ въ ихъ бытописаніяхъ одна общая черта: яркій юморъ и склонность къ сатирѣ.

Юморъ сквозитъ во всѣхъ произведеніяхъ С. Н. Терпигорева. Слово лучъ солнца, скользитъ онъ по сѣреннымъ и унылымъ

С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава). По поводу 10-лѣтія дня кончины. Портретъ работы Петра Соколова, авт. «Нивы».

явлениямъ и картинамъ и золотить ихъ. Юморъ Терпигорева — здоровый, чисто-русский юморъ, сверкающій мѣткими словечками, образными выраженіями и отличающійся удивительнымъ умѣнемъ отыскивать и подчеркивать все достойное осмѣянія въ окружающей жизни. Читатель ищетъ съ любовью блески этого юмора.

Но юмористическое изображеніе пошлости и неурядицы жизни у С. Н. Терпигорева часто переходитъ, какъ у Салтыкова, въ настоящую сатиру. Простой, незлобивый смѣхъ замѣняется смѣхомъ — обличителемъ, бичующимъ нравы, и если у Терпигорева смѣхъ этотъ хлещетъ и бьетъ не такъ сильно, какъ у Салтыкова, то все-таки рядъ изображаемыхъ имъ картинъ представляетъ въ своей совокупности яркую и рѣзкую сатиру на помѣщичье житье-бытье, породившее то жалкое и вредное племя «никчмушныхъ людей», которыхъ еще засталъ покойный А. П. Чеховъ.

Съ Салтыковымъ Терпигоревъ сближается, какъ мы уже замѣтили, общицею темъ и сюжетовъ. Оба писателя изображали типы и явления, близкія одинъ къ другому и, такъ сказать, вытекающія одинъ изъ другихъ. И недаромъ, когда «Осудѣніе» впервые появилось въ журналѣ «Отечественныя Записки» (въ которомъ, кстати участвовалъ и Салтыковъ), у многихъ читателей явилась невольная мысль, что авторъ этого произведенія, Сергій Атава — не кто иной, какъ все тотъ же Салтыковъ-Щедринъ, придумавшій себѣ для разнообразія новый псевдонимъ.

Говоря о Терпигоревѣ, какъ о пѣвцѣ дворянскаго оскуднѣнія и бытописателѣ эпохи паденія крѣпостнаго права, нельзя въ то же время не упомянуть и объ его талантливыхъ очеркахъ и картинахъ, живописующихъ видѣнную имъ въ дѣтствѣ жизнь крѣпостныхъ людей. Въ этой области онъ оставилъ намъ рядъ художественныхъ автобиографическихъ очерковъ, озаглавленныхъ имъ «Потревоженные тѣни».

Въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ С. Н. Терпигоревъ охотнѣе всего живописалъ въ формѣ разсказовъ и фельетоновъ текущую столичную жизнь, давалъ интересныя картины быта разныхъ слоевъ населенія и мѣтко-схваченные интересные типы. И большинство его разсказовъ и очерковъ настолько свѣжи и занимательны и современны, что могли бы составить имя писателю, не будь онъ даже авторомъ «Осудѣнія» и «Потревоженныхъ тѣней».

С. Н. Терпигоревъ родился 12 мая 1841 года въ селѣ Никольскомъ, Усманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. (Недаромъ персонажи «Осудѣнія» постоянно говорятъ: «У насъ въ Тамбовѣ!»).

Будущій пѣвецъ «Осудѣнія» происходилъ изъ коренной русской дворянской семьи, и дѣтство его протекло какъ разъ въ одномъ изъ тѣхъ дворянскихъ гнѣздъ, которыя потомъ стали съ такой роковой послѣдовательностью переходить въ собственность Колупаевыхъ и Подьугольниковыхъ. Отецъ Сергѣя Николаевича — Николай Николаевичъ Терпигоревъ былъ человѣкъ образованный и вполне культурный, много читавшій и интересовавшійся явлениями современной жизни, литературой и наукой. Онъ развилъ въ сынѣ охоту къ чтенію, наблюдательность и впечатлительность. А такъ какъ самъ онъ относился къ своимъ крѣпостнымъ людямъ преиспно и, въ качествѣ предводителя дворянства, пытался устранять тѣ безобразія, которыя творились надъ крѣпостною массой его сосѣдями-помѣщиками, то естественно, что его гуманные взгляды всецѣло перешли и къ сыну. Въ «Потревоженныхъ тѣняхъ» С. Н. Терпигоревъ даетъ намъ много цѣнныхъ автобиографическихъ подробностей, относящихся къ этому времени. С. Н. Терпигоревъ запечатлѣлъ навсегда въ своей негодующей душѣ жестокаго картины крѣпостничества. А унаследованная отъ отца страсть къ чтенію и литературѣ дала ему толчокъ попробовать и свои силы въ литературѣ — и въ результатѣ у насъ, на Руси, явился писатель, обладавшій богатымъ запасомъ наблюдений, чуткою душою и выдающимся литературнымъ талантомъ.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе, С. Н. Терпигоревъ учился затѣмъ въ тамбовской гимназій, а изъ нея поступилъ въ

петербургскій университетъ, по курса въ немъ изъ-за студенческихъ беспорядковъ не окончилъ.

Литературная дѣятельность его началась тогда же, въ его студенческие годы. С. Н. Терпигоревъ сталъ помѣщать небольшие очерки и юмористическія статейки въ «Русскомъ Мирѣ», «Спб. Вѣдомостяхъ» и другихъ журналахъ и газетахъ. Выйдя изъ университета (въ 60-хъ годахъ) и уѣхавъ на нѣсколько лѣтъ къ себѣ на родину, въ помѣстье, Терпигоревъ сталъ дѣятельно корреспондировать отсюда въ «Голосъ». Къ этой именно порѣ и относится изученіе имъ оскудѣващаго дворянства. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ среди помѣщиковъ, выбитыхъ реформою изъ обычной колеи, Терпигоревъ наблюдалъ и запечатлѣвалъ всѣ тѣ печальныя и комическія явленія помѣщичьей «гибели боговъ», которыя потомъ онъ съ такимъ несравненнымъ мастерствомъ воспроизвелъ въ своемъ «Осудѣніи».

Позднѣе Терпигоревъ вернулся въ Петербургъ и сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Голоса», «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Отечественныхъ Записокъ». Но съ 1870 года онъ внезапно прервалъ литературную дѣятельность и въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, вплоть до 1880 года, исчезъ съ литературнаго горизонта. За это время С. Н. Терпигоревъ занялся исключительно «практическою» дѣятельностью, устраивая различныя предпріятія.

Но въ 1880 году эта десятилѣтняя «меркантильная» эпоха въ жизни С. Н. сразу прекратилась, и онъ снова вступилъ на литературное поприще, и на этотъ разъ съ особеннымъ успѣхомъ. Къ счастью, для нашей литературы «десятилѣтняя давность» не только не погасила его художественнаго таланта, а скорѣе, наоборотъ, укрѣпила и утвердила его.

Въ 1880 году С. Н. Терпигоревъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» свое знаменитое «Осудѣніе». И съ этого времени литературная дѣятельность окончательно захватила его, тѣмъ болѣе, что «Осудѣніе» имѣло огромный успѣхъ, окрылившій автора и подвигнувшій его на дальнѣйшее художественное творчество.

Въ 1881 году С. Н., по рекомендаціи Салтыкова, сталъ писать фельетоны въ основанной М. М. Стасюлевичемъ газетѣ «Порядокъ», но вскорѣ покинулъ эту газету и перешелъ въ «Новое Время», гдѣ и помѣщаетъ воскресные фельетоны вплоть до самой своей кончины. Фельетоны «Сергѣя Атавы» пользовались огромнымъ успѣхомъ.

Кромѣ «Новаго Времени» С. Н. Терпигоревъ принималъ участіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (въ этомъ журналѣ впервые появились «Потревоженные тѣни»), въ «Нивѣ» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

Разсказы и очерки С. Н. Терпигорева были изданы отдѣльными сборниками: «Осудѣніе» (1881), «Узорочная пестрядь» (1883), «Желтая книга. Сказаніе о новыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ» (1885), «Марюнькино счастье» (1888), «Жоржъ и К.» (1888), «Потревоженные тѣни» (1888-90), «Разсказы» (1890), «Историческіе разсказы и воспоминанія» (1891) и «Дорожные очерки» (1897). Въ 1900 г. появилось «Собраніе сочиненій С. Н. Терпигорева» въ изданіи А. Ф. Маркса.

Послѣдній періодъ своей жизни С. Н. Терпигоревъ провелъ въ Петербургѣ, приобрѣвъ «осѣдлость» въ видѣ небольшого участка земли на берегу Невки. Здѣсь онъ жилъ зиму и лѣто вмѣстѣ со своей семьей, устроивъ себѣ, какъ онъ шути выражался, «коттеджъ», и заведя соответствующее коттеджу маленькое сельское хозяйство.

Въ началѣ 90-хъ годовъ С. Н. Терпигоревъ сталъ скоро утомляться и жаловался на то, что у него «голова какаля-то дурацкая. Временами работать ничего не могу». Недугъ, охватившій его крѣпкую натуру (перерожденіе сердца), довольно быстро прогрессирувало — и въ іюнь 1895 года С. Н. Терпигоревъ уже лежалъ, не вставая. А 13-го іюня онъ скончался со словами «какъ легко! какъ хорошо!» Мучившая его боль утихла въ моментъ смерти, и С. Н. Терпигоревъ смежилъ свои глаза въ покой и миръ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки, подписанная плата за „Ниву“ 1905 года должна быть внесена полностью къ 1-му августу сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1-го сентября съ № 36-го. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волченковъ. Повѣсть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — Миръ. Стихъ Г. Аркатова. — Исторія сестры Оливы. Разсказъ Зельмы Лагерлѣфъ. — Алексѣевскій Комитетъ. — Изъ быта нашихъ военнопленныхъ въ Японіи. — Новая церковь въ память погибшихъ моряковъ. — С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава). — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ: Миръ. — Ссора. — Рѣзительное слово — Скорбь. — Его Величество Императоръ Германскій Вильгельмъ II. — Офицеры, раненые въ Портъ-Артурѣ, эвакуированные въ Россію и представляемые Государю Императору въ Новомъ Петергофѣ, въ Фермерскомъ дворцѣ, 13 іюля с. г. — Наши офицеры въ плѣну въ г. Нагоя. — Новая церковь при манежѣ 8 флота эскадры, во имя св. Николая Чудотворца, освѣщенная 14 іюля с. г. и сооруженная въ память моряковъ, погибшихъ въ войну съ Японіей. — Медицинскій персоналъ 5 хабаровскаго своднаго госпиталя, состоящаго изъ 4-хъ бараконъ, каждый на 135 больныхъ и раненыхъ. — Станція Сынгай. Головной санитарный поѣздъ д-ра Недлера. — Лазаретъ кружка тифлисскихъ женщинъ для больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ-кавказцевъ. — Персональ 22-го своднаго госпиталя въ Харбинѣ. — Общеніе сестеръ милосердія бессарабскаго санитарнаго отряда въ г. Никольскѣ-Уссурийскомъ. — Медицинскій персоналъ полтавскаго лазарета въ г. Никольскѣ-Уссурийскомъ. — Предсѣдатель Алексѣевскаго Комитета П. П. Семеновъ. — Временный лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ, учрежденный кружкомъ дамъ въ посадѣ Колпино. — Свиданіе Монарховъ въ Бюрокъ, 10 іюля 1905 г. — С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава).

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научная приложенія“ за августъ 1905 г., 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1905 г. съ 44 рис. и отдѣльн. листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 38 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.